

Виктор
ТУМАНОВСКИЙ

г. Петрозаводск

Самолет летит,
мотор работает.
Мы вас не звали,
А вы приперлися!
(Фольклор)

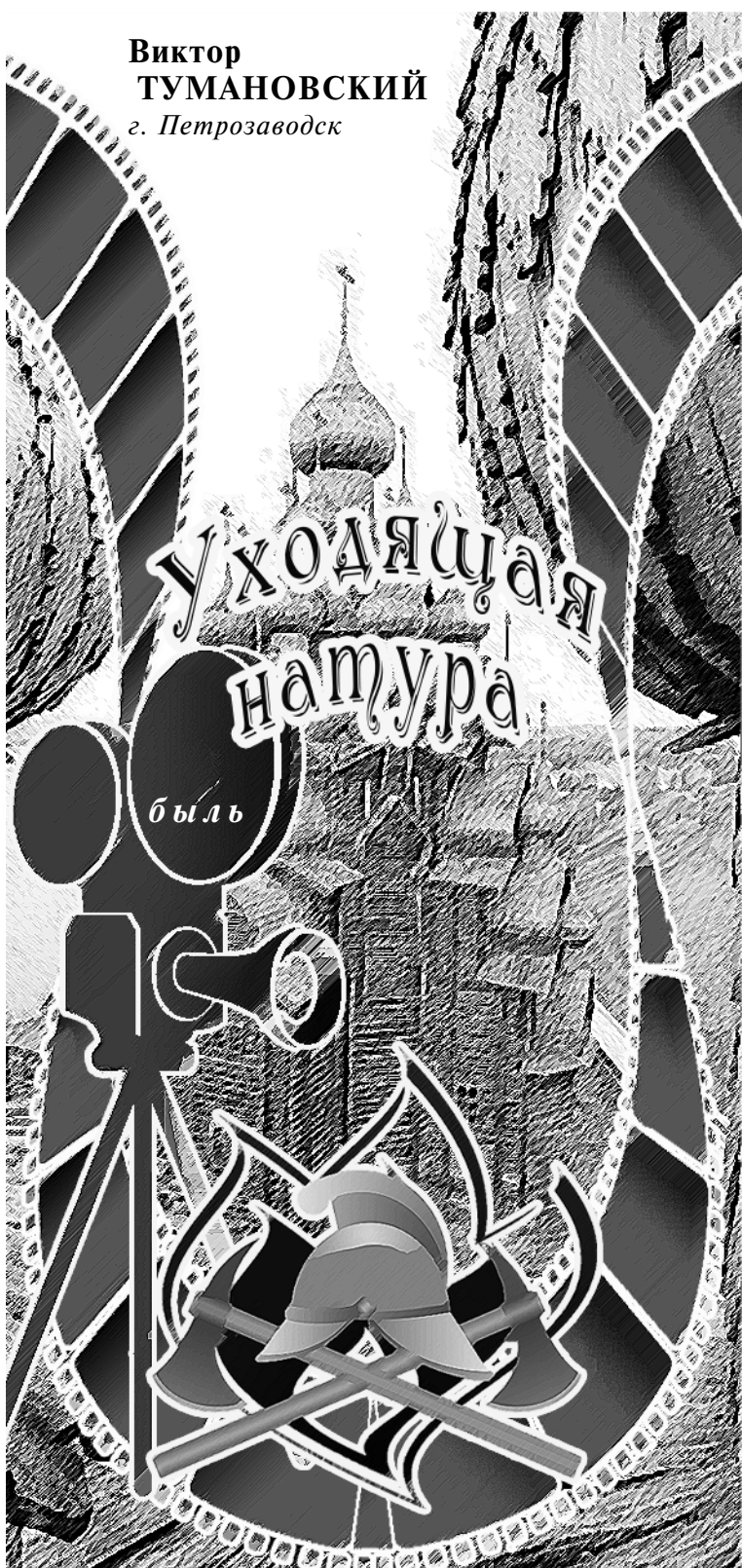
Вечер

Никто поначалу и не допёр, что они за люди. На следующее утро дошло — москвичи, если одним словом. Кино приехали снимать. Документальное. О нашем прекрасном острове. А могли по манерности их поведения сделать предположительные выводы. Но кому вечером это интересно? Не до них! Своих развлечений перед сном хватает.

Как раз ушла последняя «Комета», пронеслась мимо острова на закате, разрезая стальными подводными крыльями гладь Онега. Скрылась в лабиринте островов, в Кижских шхерах. И сразу тишина после гостей заповедника стремительно возвратилась домой. Прибежала ненадолго — до утра — переспать, а затем бежать от дневного гама: многоголосной туристической толпы, криков чаек и экскурсоводов, гудков теплоходов, причальной торговой музыки и прочего шума. Назад, на другие острова. Закрылся музей-заповедник под открытым небом. Отдыхает.

Ольга Валерьевна сегодня уходила со службы последней. Опечатала дверь и не спеша спустилась с крыльца администрации музея. Приостановилась. Закрыла глаза и глубоко вдохнула вечерний воздух. Медленно повторила. И еще раз. И еще раз. Затем коротким задумчивым шагом направилась по тропинке на заветный приговор. Взошла.

Она любила в одиночестве насладиться предзакатными мгновениями покоя. Ей нравилось подолгу стоять на одном месте и издали созерцать продолжительным и глубоким взглядом причудливую архитектуру Кижского погоста — вершину народного деревянного зодчества. Разглядывать неподражаемый художественный образ и тектонику архитектурных форм. Вглядываться в сказку куполов. Восторгаться неповторяемой игрой света и теней уходящего дня на четвериках и восьмериках сруба, бочках и главках, лемехе, полицах, подзорах и причелинах. Восхищаться главной

доминантой ансамбля. Слушать застывшую в дереве музыку. Сопереживать неразрывное единство природы и архитектуры. Молчать. Очаровываться. В эти сокровенные минуты она забывала, что является заведующей экскурсионного отдела, что она давно уже не молоденькая девушка, а статная и одинокая дама, но... Так отчетливо виделось, как она срыгается с места и стремительно бежит по душистой траве, долетает до ограды погоста, с ходу падает в мягкую зелень, вдыхает пряный запах земли, переворачивается на спину, раскидывает крестиком руки, смотрит в бездонное небо, прикрывает глаза... чувствует приближение гармонии вечного...

— Это что такое? — мужской требовательный голос поднял ее и вернул в настоящее.

Незнакомый прилично одетый солидный гражданин стоял в нескольких шагах и, вытянув горизонтально руку, указательным пальцем показывал на дорогой Ольге Валерьевне памятник восемнадцатого века.

— Э-это?.. — Ольга Валерьевна решила словами не отвечать на бестактность обращения незнакомца, а молча развернуться и уйти, но профессионализм не промечтаешь, не прогуляешь, не про... Магнитофонным голосом гда она привычно четко ответила на поставленный вопрос: — Перед вами ансамбль всемирно известного Спасо-Кижского погоста! Погостом в старину назывались...

— Да нет! Я не про кладбище. Это что? — гражданин грубо тыкал перстом в пространство.

Ольга Валерьевна ответственнее отнеслась к указанному направлению.

— Преображенская церковь! Двадцать две главки завершают многоярусную композицию храма. Построена в одна тысяча семьсот сорок четырем году безвестными мастерами, как мера и красота скажет, как...

— Понятно, — незнакомец бесцеремонно перебил и не дал завершить отшлифованный годами методически правильный текст. — А это что?

Отследив смещение перста, Ольга Валерьевна уже без заминки сориентировалась:

— Покровская церковь! Год постройки тысяча семьсот...

— Ясно. Сколько глав? — малознакомый гражданин продолжал в прежнем стиле.

— Десять. Они являются логическим продолжением...

— Достаточно. Где директор?

— Что?.. А-а... А директора сейчас на острове нет. В отъезде, в городе. А вы, собственно...

— Кто замещает?

— Ответственный дежурный по музею — Александр Борисович Пущин, но...

— Где его найти?

— Знаете ли, скажу я вам, рабочий день уже закончился и...

— Так где его найти?

— Вероятно, у себя, в деревне Ямка, он в первом от магазина доме живет, на втором этаже. Деревня находится вот там... Здесь недалеко. А может, еще где-нибудь, он не иголка, найдете — это же остров. Куда с него денешься?

Гражданин смерил мужским взглядом Ольгу Валерьевну, следом бегло — исторический шедевр, внимательно посмотрел на закат, вытащил из кармана кожаной бежевой куртки черную пластмассовую коробочку со стеклянным окошком и, как фонарик, навел его на объект всемирного культурного наследия. В приборе что-то пискнуло. Ольга Валерьевна разглядела под стеклом стрелку, которая маятником качнулась вдоль шкалы с непонятными делениями и цифрами и, как по команде, застыла под цепким взглядом незнакомца. Он взглянул на показания и поморщился, как от яркого света или, наоборот, от недостатка освещения. Развернулся и, не прощаясь, зашагал в указанном направлении, в сторону деревни Ямка.

Ольге Валерьевне не понравилось мордастое, не по сезону загорелое лицо незнакомца, в загородных собачьих морщинах — вот только она не помнила породу: не то бульдог, не то буль... Словом, какой-то буль-буль... Неделikatный... Неприятный человек. Хам!.. Но странно, откуда в столь позднее время, после закрытия музея?.. А может быть, это проверяющий? Похож. Неужели из Министерства культуры? Очень похож... Ой-ой-ой, как бы чего не вышло... Но пусть Пущин разбирается, ее это не касается.

Закат догорал, Ольга Валерьевна заспешила — по-быстрому замерла — ей уже требовалось усилие настроиться, чтобы успеть поймать заветное состояние души в последний разочек до захода солнца.

Вечер. Продолжение

Александр Борисович Пущин не торопясь шагнул по любимому острову, по привычному для него направлению: из деревни в сторону причала. С обожанием поглядывал по сторонам, вдыхал полной грудью запахи приближающейся осени, на пару минут приостанавливался — прислушивался к вечерним звукам: не происходит ли что-нибудь необычное, что может потребовать его вмешательства как ответственного дежурного по музею. Нет, все спокойно. Тишина. Расслабляющая красота жизни очередного догорающего дня.

Александр Борисович любил и ценил одинокие пешие прогулки, как и любой другой островной музейный житель, приезжающий из города только на летний сезон, и особенно по вечерам, при длинном и тихом озерном закате. Ни с кем не хотелось делить неповторимые мгновения. Хотелось задумчиво стоять на берегу под вязами: курить, стряхивать пепел на темную гладь озера, внимательно разглядывать, как постепенно растворяется в воде прах сигарет и как сухая листва разноцветными кораблями покачивается на волне, и как стремительно проносятся водометки по каким-то своим делам, и как гаснет свет дня в озере. Или, возможно, стоило бы подняться на самую высокую точку острова и там прислониться спиной к теплому срубу часовни Спаса Нерукотворного, и замереть, глядя в северную даль, и грустить, грустить о чем-то далеком и смутном, несбывшемся. Помалкивать. Сентиментальничать... Прочитать негромко вслух подходящее настроение стихотворение или, отбросив стеснительность, напротив, громко. Дать временную слабину. Или... Да что «или»! Хотелось уже чего-нибудь другого...

В баре в это время, до закрытия, оставалась своя островная публика. В малом количестве, но проверенная — завсегдатаи. Александр Борисович в одиночестве присел на высокий табурет за длинную стойку, заказал любимый напиток «отвертку» — водку с апельсиновым соком. Быстро выпил. Быстро повторил. Большим телом ощутил, как постепенно выходит дневная усталость, а взамен проникает вечерний сплин. Чувствовал, как внутри приятно теплело.

Закурил. Глубоко затянулся. Выдохнул. Посмотрел прямо. На полке выстроились бутылки и бутылочки. Разные. Стройные и привлекательные, и так себе. Ближе знакомые и не очень. С кем-то из них хотелось еще раз повстречаться, продолжить отношения, с кем-то — познакомиться, а других больше никогда не видеть. За ними в горизонтальном зеркале разглядел свое лицо. Засмотрелся. Про себя неторопливо стал обсуждать увиденное: «Да-а... Сорок два года! И что дальше?» Снял очки, в задумчивости протер носовым платком стекла, не торопясь надел.

Опять заказал, выпил. Стало еще теплее: «Да нет! Все как раз и хорошо!» Размышления прервал скрип открываемой двери. На пороге появился незнакомец. Все, кто находился за столиками и культурно отдыхал, повернулись к вошедшему, все, кроме Александра Борисовича, ему и так он был отчетливо различим в близком зеркальном отражении: голова к голове.

— Александра Борисовича Пушина кто-нибудь видел или знает, где он находится? — погородскому, не здороваясь, задал всем сразу вопрос незнакомец.

— У вас что-нибудь стряслось? — проворно, не давая никому ответить, вопросом на вопрос поинтересовался Александр Борисович, глядя на чужое отражение. — Проблемы? — и выдохнул дым сигареты в свое зеркальное лицо.

Завсегдатаи молча разглядывали мужика. Сопели.

— Нет! При чем тут это! Что за ерунда! Еще раз спрашиваю: кто знает, где находится Александр Борисович Пущин? — молчание было ему ответом. — Никто? А хоть кто-нибудь здесь что-то знает? — поведение и речь ясно указывали, что мужик слегка не в себе. Чем-то раздосадован.

Но никто ведь не догадывался, что вот уже два часа он шатался по острову в поисках неуловимого ответственного дежурного. Пересек, как оказалось, совсем уж небольшой и невысокий островок в различных направлениях несколько раз. При этом руководствуясь только подсказками встречаемых им местных жителей, их уверенным знанием о местонахождении в данный момент Пушина или, может, незнанием, но сопровождаемым доброжелательными предположениями, где его искать. Послушно подни-

мался на пригорки, спускался к пустынным берегам озера с одной и другой стороны, возвращался. Прошел деревню Ямка из конца в конец. Заглянул в деревню Васильево. Побывал на кладбище. Долго стоял у закрытого магазина. Единственного. Повторил маршрут. Ноги, не привыкшие к хождению по неасфальтированной земле, гудели. Он тихо возненавидел безответственного незнакомого ему человека... Жаждал высказать при встрече все, что он думает и знает об ответственности... Бар был последней надеждой, завершающей точкой поисков. Дальше за ним ничего не было, только безбрежное ночное пространство Онега, второго по величине пресного озера Европы, а какой-то встречный умник назвал ему точные размеры в квадратных километрах и очередность в европейской иерархии озер, а также с гордостью, будто о личных достижениях, рассказал о количестве островов — тысяча! — и запасах воды в кубических метрах, перечислил породы местных рыб, места лова... А может, тон речи был продиктован какими-то своими, другими глубоко личными неприятностями. Бывает. Но не совсем правильное он выбрал место и время, чтобы поделиться с народом наболевшим.

— Ты чё гонишь? Пасть разеваешь! — из-за столика поднялся молодой плотник-реставратор Серега. Недавно отслужил, вернулся из горячей точки. Слегка контуженный и уже выпивший. Готовый по команде и без нее к продолжению боевых действий в любой момент дня и ночи. Но Александр Борисович успел отменить приказ к атаке.

— Раз ничего не произошло и не случилось, то его уже здесь нет. Он далече, — и подмигнул своему отражению и еще раз — другим глазом завсегдатаям. Три стаканчика давали о себе знать. Легкий кураж подошел, да и рабочий день давным-давно закончился. И ничего необычного, требующего срочного выполнения должностных обязанностей на вверенной ему территории не происходило. Да и видит он этого странного субъекта в первый раз — да пошел он к черту! Надоел, спесивый. Отдыхаю, нечего мешать... — Вы в другом месте поищите. Больше шансов.

— Я что-то не совсем понимаю ваш ответ, — не унимался тип. — Что означает...

— Шас объясню! — Серега кирзовым сапогом сделал шаг навстречу непонятливому человеку. — Пойдем, вместе поищем!

Но не успел оказать первую посильную помощь. Неугомонный гражданин юркнул за дверь — наконец сообразил, что он незваный гость.

— Мужики! А давайте вместе выпьем! — заявил Александр Борисович и под одобрительные возгласы пересел за столик к Серegiной компании.

Загудел бар, заиграла музыка. Пошло веселье.

Ночь

Ветер небрежно перебирал кроны деревьев. Шумел. Прохлада укрывала остров. Холодало.

Барабанной мелкой дробью постукивают по деревянным мосткам в ночной пустоте шаги одинокого пешехода. Далеко слышно: стук-стук-стук. Незнакомец торопливо семенил на причал. Погони не наблюдалось. Но бережного Бог бережет. Наконец-то дошел. По сходням поднялся на дебаркадер, вдоль борта обогнул двухэтажное сооружение и с другой стороны, пересчитывая шепотом номера дверей, в темноте отыскал нужную. Зашел.

В помещении, похожем на крохотный зал ожидания железнодорожного вокзала, в полумраке среди груды кофров, чемоданов, треног, сумок, на деревянной широкой коричневой скамье крючком лежал модно одетый молодой человек. Пахло табаком, рыбой, пивом и кошками. Синяя масляная краска на стенах местами облупилась и сквозь нее мозаикой просвечивала красная, а сквозь красную — белая. В одном месте бело-сине-красная плоскость прохудилась, и дырищу попытались прикрыть предвыборным плакатом президента. Сам президент в дорогом костюме, с аккуратной седой головой, по-шукшиновски одиноко стоял, прислонившись спиной к сосне в каком-то чистеньком номенклатурном парке. Трезвый. Слоган призывал: «Выбирай сердцем». В единственном плафоне под потолком навечно нашли пристанище комары и мухи прошлых лет. И этого года, но еще живые.

— Кирюша, проснитесь, — незнакомец устало

присел на свободную скамью напротив молодого человека.

— Да я и не сплю, Вадим Вадимович. Прохладно что-то, — юноша, поеживаясь, выпрямился. — Видели директора? Договорились? Перебираемся в гостиницу? Я уже все дырки на стенах от скуки пересчитал.

— Какая здесь, к черту, гостиница! Очнитесь, Кирюша, это тмутаракань! Безобразие сплошное! Не нашел никого, и гостиницы здесь, как выяснилось, отродясь не было. Да, кстати, не рекомендую в темноте пользоваться местными туалетами. Чревато. И запах... Брр-р... Всемирно известный музей, как с гордостью утверждает местная публика. Ха-ха! Какая-то Древняя Русь! Сохранили в целости и сохранности!

— И что нам делать?

— Не знаю, не знаю, Кирюша! Здесь никто ничего не знает!.. Идиоты какие-то!.. И я ничего не понимаю — должны же были их предупредить о нашем приезде? При мне же в министерстве позвонили сюда... кому-то. Ответили же! Кто-то же пообещал нас встретить... Бардак какой-то!

— Вадим Вадимович, может, мы хоть сходим куда-нибудь поужинать?

— Не смешите меня, Кирилл. То, что вы видели на берегу с вывеской ресторан «Кизи», — муляж! Памятник общественному питанию советской эпохи. Впрочем, как и все остальное на этом острове. А в бар не советую — я только что оттуда. Очень неадекватная публика. Успел познакомиться. Туземцы! Совок!

— Так как нам быть? Неужели придется ночевать вот здесь, не раздеваясь... на скамейке? Голодными?

— Да, Кирюша! Да. Привыкайте к издержкам нашей профессии. Вы молодой и не застали тех трудностей, которые выпали нашему поколению. Не прошли через испытания прошлого режима... Кстати, у нас есть что-нибудь попить?.. Минералка или пепси? И не найдется ли у нас чего-нибудь перекусить?.. Да-а, Кирюша — это не Париж, где мы последний раз снимали, даже не Ясная Поляна... Помните, как нас там душевно встречали? Так найдется чего-нибудь?

— Вадим Вадимович, ничего не успел купить. Спешили же, боялись опоздать. Есть только пара бутылок коньяку из дьюти-фри, которые, как вы просили, хотели приберечь

для особых случаев, да вот еще — жвачка и, кажется, где-то пачка печенья... Но где ее сейчас найдешь? Вроде и все.

— А-а, черт с ним, наливайте, Кирилл. Скрасим вечер. Что, и стаканов нет? Господи, из горла, как в старые добрые времена. Видел бы кто-нибудь сейчас меня из московских знакомых — не поверил бы. Я, заслуженный работник культуры, только вчера еще обедал в ресторане Дома кино и вот, как школьник, прячусь в каком-то сарае и пью конину... Какой из двух будем? Все равно. Передайте любой. О, старый добрый «Камю»! Чудесно-чудесно! Кому рассказать... Впрочем, лучше не стоит.

Вадим Вадимович сделал недурственный глоток, элегантно втянул носом воздух, задержал дыхание, шумно выдохнул. Дважды провел ладонью по щекам, затем прижал ее тыльной стороной к носу и занюхал не менее хорошим французским парфюмом. Задержал дыхание. Выдохнул. Передал бутылку Кириллу. Задумчиво посмотрел на черный квадрат окна, за которым ничего не просматривалось. Покачал головой. Произнес в пустоту:

— Это ж сколько должно смениться у нас поколений, чтобы народ стал другим? Поменялся! Научился не хамить, нормально работать, уважать других... Не одно... Да-да, не одно. — Вадим Вадимович обернулся, взглянул на президента, встретился с ним глазами и веско, как напутствие, на одном дыхании изрек: — Да-да! Самое главное сейчас — менталитет изменить! Сознание! Чтобы у народа оно стало иным, цивилизованным... Как в нормальных странах!

Вадим Вадимович замолк. Со всей серьезностью момента посмотрел на Кирилла.

— Ладно, Кирюша, еще по глоточку — и укладываемся: завтра съемка.

По глоточку не получилось, хорошо пошло.

Утро

Мягкий утренний свет сентября сквозь дымку тумана над озером по-киношному нежно красил солнечными лучами купола древних храмов, отражался от шатровой колокольни и зайчиками, играючи, спускался на замшелые валуны низкой ограды и затем еще дальше сбегал по траве и гальке на берег озера. Архитектур-

ный ансамбль — венец русского деревянного зодчества, занесенный в списки всемирного наследия человечества, невесомо парил над землей, словно в ожидании разрешения на полет. Чайки — безбилетные попутчицы, болванчиками застыли на крестах в строгом порядке: сверху вниз. Мелкая птица по отдельности копошилась на земле. Волны титрами лениво набегали на берег. Стайки рыб плескались, запуская круги по сонной воде. Деревья, раскрасив себя редкими флажками желтых, красных и оранжевых листьев, по-флотски сигналили друг дружке о приближении осени. В зеркале озера пейзаж повторялся акварельным листом. Первая из города «Комета» высаживала на причал обалдевших туристов. Короткое затишье утра. Безлюдно и тихо — как в кинотеатре перед началом первого анса. Стоп-кадры нового дня.

«Михалков! Просто Никита Михалков, нет, скорее Феллини, Федерико — «Амаркорд!» или Михалков? — бормотал про себя Вадим Вадимович, направляясь в администрацию музея. — О-о, какие кадры погибают. Камеру сюда, камеру! Уходит натура, уходит!»

Пройдя в кабинет директора, он был приятно удивлен, когда в лице ответственного дежурного узнал вчерашнего посетителя бара.

— Простите, мы разве не знакомы? Не вас ли...

Равнодушным, холодным, как отвертка, взглядом Александр Борисович посмотрел в карие коньячные глаза Вадима Вадимовича и, не моргнув, произнес:

— Вряд ли. Если только где-нибудь на конференции.

«Черт с ним! Не будем сейчас заморачиваться. Потом, при отъезде, все выскажу», — Вадим Вадимович с достоинством представился, сообщил о цели приезда, не преминул рассказать о званиях, подробно перечислил награды на кинофестивалях. По-приятельски упомянул несколько известных фамилий из мира кино. Вручил письмо из Министерства культуры. Небрежно продемонстрировал дорогие наручные часы... Не произвел ожидаемого впечатления. Александр Борисович скрипел стулом, смотрел без всякого выражения то на Вадима Вадимовича, то в окно, то на бумаги на столе, то опять на Вадима Вадимовича, снимал и надевал очки. Без всякой цели теребил бороду. Вяло курил деше-

вую сигарету. Вопросов не задавал, тупил. «Ну и деревенщина! Посмотрите-ка на него — и это научный сотрудник! Культура! Ха-ха! Где их только берут? Экспонат эпохи застоя!»

Александр Борисович не спешил радоваться знакомству, он уже все понял. Знал по опыту — сейчас этот столичный гость перейдет к главному: вначале начнет вежливо просить, потом мягко настаивать, затем, как само собой, требовать. И понесется — подайте, помогите, поселите, поднесите, перевезите, предоставьте ему то, организуйте это. А того и этого самим не хватало. Отказать тоже не получится, но и бежать впереди телеги резонов не наблюдалось. Видели вчера поведение этого кинодеятели. Нахрапистый мужичок — Ма-а-сква! А столицу с недавних пор Александр Борисович разлюбил. В последний приезд за минуту лишился всех командировочных денег за рюмку коньяка. Правда, хорошего, в каком-то кафе на Арбате. Зашел прямо с поезда в приподнятом настроении — столица на многих провинциалов так воздействует — и по глупости не заглянул в меню. Заказал, выпил. Принесли счет. Только и смог произнести: «Дорогая моя столица! Дорогая моя Москва!» Деньги командировочные по нынешним временам выдают по нормам не просто смешные, а очень даже смешные... Но все равно обидно. А что поделать — поменялась страна. Перестроилась. Ну, давай, не томи, проси скорей, чего тебе надобно, кудесник фабрики грез!

Но не успел Вадим Вадимович изложить требуемое — дверь приоткрылась и в проеме возникла голова в фуражке с кокардой. Рачьими глазами дракона обвела помещение и произнесла: «Здорово, Борисыч! И я к тебе по делу». Сказала и дыхла чем-то нехорошим. Дверное полотно еще шире распахнулось, и в кабинет вошел, точнее впёрся без разрешающего «заходите!» носитель головного убора. Он был в чем-то по-военному синем — на кителе россыпью поблескивали медальки и значки, в брюках галифе и сморщенных гармошкой сапогах, без церемоний через стол поздоровался за руку с ответственным дежурным. Развернулся и протянул пятерню Вадиму Вадимовичу: «Мишук Евгений Иванович!» Вадиму Вадимовичу ничего не оставалось, как пожать холодную, как кость, и влажную, как клешня, кисть прищельца. А тот

без приглашения, с ходу опустился на свободный стул, развалился, вытащил из кармана кителя пачку папирос, быстро и деловито закурил, затем снял фуражку, положил перед собой на стол, ладонью пригладил редкие волосы, на секунду задумался и вновь полез в карман кителя — вытащил блокнот, раскрыл, достал ручку — приготовился что-то записывать. Старый пергарный шлейф вошедшего добавил новые нотки к букету запахов присутствующих.

— Мишук — начальник нашей пожарной части, — представил его Александр Борисович, слегка морщась и недовольно поглядывая на начальника. Представил и Вадима Вадимовича. — Евгений Иванович, давай через полчаса зайдешь. Я занят.

— И понимаю, и ухажу, хотя и дело срочное: я и сегодня и учения и провожу... И хотел предупредить, согласовать и наши совместные действия. Обсудить план и мероприятий. Расставить людей по объектам и...

— Ты же позавчера учения проводил. — Александр Борисович видел по глазам начальника, что тот врет. На ходу придумал причину задержаться в кабинете — понятно, что жаждет познакомиться поближе с киношником, а затем чего-нибудь с этого выгадать. Догадаться нетрудно — что именно. — Давай завтра, сегодня учения отменяй. Не до этого.

— И поддерживаю ваше предложение, хотя и нарушим и все планы, и графики. А я и у меня и инспекция скоро.

— Всё, решено. Завтра проведём. — Александр Борисович был непреклонен, да и знал, что не будет завтра никаких учений, что наверняка Мишук сегодня же выморочит бутылку у киношника и наутро ему будет не до учений.

Мишук вышел, нисколько не расстроившись. Ему не привыкать к выкрутасам фортуны. Узнал главное: кто таков Вадим Вадимович и зачем пожаловал на остров. Конечно, не начальник какой-то, но все-таки с положением человек, из столицы. Снимать кино приехал, а мимо пожарки ему не проскочить, точнее мимо начальника — всяко разрешение потребуется для съемок в памятниках архитектуры, да и помощь в обеспечении пожарной безопасности, да наверняка чего-нибудь еще. А значит, и магарыч будет. Подождем,

сам объявится... Точно объявится, как пить дать объявится! Непременно объявится! Кто бы сомневался! Так что закусон уже можно готовить. Повезло так повезло! Гульнём!

Евгений Иванович обожал начальство, а природу не любил, пейзажи там всякие, красоты. Не замечал их. Но зато он мог часами с упоением следить за перемещениями по острову какой-нибудь комиссии, подолгу любоваться группами чинов из управлений и министерств и даже наслаждаться движением отдельного представителя одной из многочисленных инспекций, посещающих с регулярными проверками остров. И отдельное наслаждение — это когда удавалось пройтись рядом с каким-нибудь начальником на глазах подчиненных и местного люда. Другие, а таких было большинство жителей, а может быть, и все, терпеть не могли начальников. А Евгений Иванович почему-то любил. За что? Он не мог объяснить. Но знал: только став начальником, человек может показать себя со всех сторон, раскрыть свои до этого скрытые неограниченные возможности. Отличиться, выделиться. Преуспеть. Стать особенным человеком. Сам он вошел в должность без году неделя, в начале летнего сезона, и хороших okazji, соответствующих его должности, еще толком не случалось.

Вадим Вадимович нервничал. Прошел почти час, а ничего не поменялось. В кабинет постоянно заглядывали, забегали, входили и выходили сотрудники музея с какими-то просьбами, разрешениями, бумажками и бумагами на подпись, советами и прочими мелкими делами. Никак не удавалось внятно изложить требуемые для съемки действия. Драгоценное светлое время уходило. Наконец получилось. Перечислил, попросил содействия, еще раз сослался на письмо из министерства, добавил, что съемки срочные, что фильм специальный — рекламный. Заказ сверху — для выставки в Мадриде. Весьма и весьма важные будут мероприятия — Дни России в Испании.

— По плану у меня три дня съемок на вашем острове. После летим на пару дней в Архангельск — отснимем музей «Малые Корелы», затем на два-три дня — на Соловки. И сразу обратно в Москву! Очень надеюсь и очень рас-

Вечер

считаваю на вас. В титрах вашу фамилию непременно отметим за оказанную помощь...

Но тут дверь в очередной раз распахнулась и вновь просунулась голова начальника пожарной части, а за ней шустро боком протиснулось синее мундирное тело.

— Борисыч, забыл спросить: и дрова и когда для пожарки привезут? Топить-то скоро будет нечем. И зима на носу, сам знаешь...

— Слушай, иди ты... к замдиректора по хозяйству, у него выясняй. Я не в курсе, — Александр Борисович напрягся.

— Всё, всё, понял и пошёл. И уточню... А и... и послушай, Борисыч, не займёшь до полочки, а то и нет у меня того... Сам понимаешь, завтра суббота — выходной, как бы праздник, всё-таки баня, само собой...

— Нет. Сам аванса жду.

— Всё понял и пошёл... — В дверях Евгений Иванович оглянулся и пристально взглянул на Вадима Вадимовича, будто мысленно хотел сказать ему что-то важное, но лишь пару раз кивнул в сторону, может, с намеком или просто так, затем поправил фуражку и молча вышел. Захлопнул дверь.

Мишуку не терпелось поскорей приступить к реализации намеченного плана. Он уже представлял, как придет к нему киношник, как они сядут в кабинете за стол, поговорят по душам, поближе познакомятся. Конечно, тот попросит разрешение на съемку, а Евгений Иванович подробно расскажет об ответственности, которая лежит на его плечах, о своей роли в обеспечении пожарной безопасности деревянных объектов мировой культуры, поделится наблюдениями о трудностях службы, ну и, само собой, даст понять человеку, что все вопросы решаемы — надо лишь правильный подход иметь. Намекнёт... Долго ещё ждать его? Вроде чуть ли не открытым текстом всё объяснил... Уже дал распоряжение подчиненным уху варить. Стол накрыть. А этого кренделя всё нет. Скоро магазин на обед закроется! Драгоценное время уходит... Из утвержденного графика выбиваемся! Неуважение какое-то... Нарушение. Трубы, блин, горят! Голова после вчерашнего бо-бо, срочно поправить надо. Что он там копается, Эйзенштейн хренов?!

В этот день не удалось ни метра пленки отснять. А жаль, такая погода пропала! Но ничего, главное — заполучили мужика с грузовым мотороллером для перевозки аппаратуры, на утро пообещали катер для поездки вокруг острова, заодно Александр Борисович оповестил сотрудников музея о съемках — пусть не удивляются и не мешают. Определил на постой.

Пока распаковывались в выделенном жилье — отдельном щитовом домике, стоящем в ряду точно таких же домишек, с прекрасным видом на озеро... Пока узнавали, где на острове можно питаться, — выяснили, что толком нигде — а с утра и маковой росинки во рту еще не было! — и что придется самим готовить... Пока сходили за продуктами в магазин — попутно осмотрели деревню Ямка... Пока приготовили что умели... Солнце село в тучу. Жаль. Но ничего, с пользой прошлись вечером по экспозиции музея-заповедника, обошли по отдельности каждый памятник деревянного зодчества: наметили натурные места, точки съемок, прикинули ракурсы, пообсуждали, где какая оптика потребуется, составили хронометраж, вписали замечания в постановочный сценарий. Уставшие и довольные вернулись в свой новый дом.

— Из интерьеров отснимем иконостас Покровской церкви, также дом... ну такой резной, как его... крестьянина Ошевнева. Может, какой-нибудь еще домишко — и достаточно. Добавим видеоряд фольклором — девушками в сарафанах и кокошниках, пусть споют задорное. Да, и добавим непременно экспрессии — с воды, на скорости — круговую панораму острова. И вид сверху — с колокольни. Обязательно крупные планы: брёвна, замшелые валуны, ограды, россыпь брусники под ними, травку, цветочки, паутинку с паучком (есть там на одном окошке), кракелюр икон... — Вадим Вадимович с упоением погрузился в съёмочный процесс, он уже видел результат — тёмный зал, мерцающий экран, титры со знакомой фамилией режиссёра, броские кадры, словом, готовый фильм, и он ему уже нравился. Замечательное кино!

— Вадим Вадимович, а вы заметили мужика в фуражке, который крутился вокруг нас? Прикольный какой-то! То на велосипеде мимо про-

ехал несколько раз, то на пожарной машине, то с пригорка за нами наблюдал. И весь обвешан не то медалями, не то значками. И как-то странно нас разглядывал.

— А-а, не обращайтесь внимания, это местный пожарный. Кажется, какие-то учения готовятся... И обязательно ненавязчиво подчеркнем прозрачность воды в озере, что для Европы, помещанной на экологии, важно. В Москве поймут, оценят. — Больше всего Вадим Вадимович любил эти свои творческие находки, когда неожиданно видится новый план, ракурс, приходит решение снять иначе, когда вдруг начинает звучать в голове закадровая музыка. Что-то из классики. Вадим Вадимович любил и ценил эти мгновения. Готов был сам с собой делиться и делиться, бесконечно обсуждать и сам с собою спорить. Соглашаться... Но пора и отдохнуть, завтра важный день — съемка.

Утро

День не задался. С утра все пошло насмарку. Мелкий дождик уныло красил пейзаж в оттенки серого. Свет ушел — разрушил планы. Дрянь какая-то!

— Какие, к чёрту, панорамные съемки! Поездка отменяется! Дурацкая погода! — Вадим Вадимович досадливо топнул ногой несколько раз. — Ладно, попробуем интерьеры сегодня отснять! Будьте готовы, Кирилл! Я побежал в дирекцию согласовать.

Согласовал. Дали добро на съемку в Покровской церкви.

— Повезло так повезло вам — теплоход не пришел. Обычно в Покровке от групп не протолкнуться, — любезно пояснил Александр Борисович. — Сегодня только одна утренняя экскурсия. Кстати, а пожарных предупредили?

— Да-да, у меня есть разрешение, — Вадим Вадимович мысленно был уже далеко, торопился поскорее приступить — не до разговоров было. — Спасибо, огромное спасибо, бегу-бегу, а вдруг еще солнце появится. А-а?

Александр Борисович глянул в окно, хотел что-то сказать ободряющее, но только успел хмыкнуть «ну-ну!» в спину Вадима Вадимовича.

Прекрасны и торжественны минуты перед съемкой первых кадров. Суeta подготовки

отступает на дальний план — короткая пауза — и настает величественная тишина. И вот долгожданное мгновение — режиссер поднимает руку и подобно тому, как художник, выбрав место на холсте, наносит решительно первый мазок, а писатель, отбросив сомнения, выводит на листе бумаги первое слово, режиссер резко опускает руку и громко на выдохе выкрикивает: «Мотор!» Крик по силе не уступает первым аккордам оратории.

Вадим Вадимович верил в таинство творчества. В этот час в гулкой тишине трапезной церкви, когда лучи софитов выхватывают из полумрака лица святых угодников в золоте нимбов, киноварь узких одежд, лазурь небес икон, светлые охры фонов, когда воздух наполнен запахом тлена старого дерева, он ощутил себя демиургом, в руках которого находится волшебная палочка — от взмаха ее зависит, быть или не быть будущему, пусть и рекламному, короткому, но фильму. Вот оно — счастье творца!

Но человек предполагает, а Бог располагает. Не успел Вадим Вадимович взмахнуть волшебной рукой и произнести магическое слово, как огромная двухстворчатая дверь церкви с грохотом, лязганьем и железным скрипом петель распахнулась и на фоне светлого неба возник черный силуэт гигантской летучей мыши.

Сквозняк пронесся по храму. Свет ламп задрожал. Повеяло холодом. В алтаре неожиданно заскрипели половицы. В притворе оконные стекла застучали, не попадая в пазы. На чердаке громко каркнула встревоженная птица.

— И-и-и кто ра-азрешил! А-а? — зазвучал мерзкий, но человеческий голос под сводами храма. — И-и-и приказываю — и давай во-оду-у-у!

И как по мановению другой волшебной палочки из-за крыльев человека-мыши выскочили двое в касках с брандспойтами наперевес. А за ними поползли пожарные шланги, извиваясь, подобно удавам, готовые через мгновение выплюнуть ядовитую жидкость в глаза софитов и волшебников фабрики грез. Вадим Вадимович даже на секунду зажмурился, не веря в происходящее, — не сон ли?

— Стойте! Стойте! Опомнитесь! — Вадим Вадимович грудью закрыл камеру, оробевший Кирилл встал рядом.

— Спалить хотите?! Пожар развели! И-и я

сказал — и туши-и! — Мерзкая тварь приблизилась. К своему удивлению, Вадим Вадимович распознал в мутанте начальника пожарной части в темно-синей плащ-накидке, по которой стекали капли дождя со стуком, что было более чем странно, но Вадим Вадимович отчетливо слышал, как они дробинками падали на сухой пол церкви, оставляя темные точки. Под капюшоном плаща хищно поблескивали черные зрачки глаз.

— Вот! Вот у меня разрешение! — Вадим Вадимович вытащил из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги. — Вот, в Петрозаводске, в вашем же министерстве мне вручили. Читайте! Прошу вас, не включайте воду! — Вадим Вадимович представил, что может произойти, и от увиденного ему стало дурно. — Только не воду! Умоляю!

— А я-я-я не разрешаю! — начальник грубо оттолкнул руку Вадима Вадимовича с бумажкой, даже не взглянув. — Закрывай лавочку, и я сказал!

— Какая лавочка? Ничего не понимаю, — Вадим Вадимович растерялся. — У нас государственный заказ — министра культуры! А вы... Это произвол!

Но начальник не дал договорить, бросил подчиненным:

— Отключай электрику! Опечатать помещение. Барахло — на склад!

— Да постойте же! Прошу вас, не трогайте аппаратуру! Давайте позвоним вашему начальству! — Вадим Вадимович закружился вокруг Мишук. Попытался заговорить справа, не вышло, зашел с левой стороны. — Послушайте, пройдемте в дирекцию музея и позвоним. Я думаю, что это недоразумение быстро разрешится. Не вижу никаких проблем. Я вам отвечаю! Поймите, я не хочу жаловаться!

— Сомневаюсь и не думаю! Здесь не магазин! Книгу жалоб не держим... — Мишук злобно взглянул на Вадима Вадимовича. — Значит, жаловаться хотите? Жаловаться? На меня? Ну, давайте, давайте. Звоните, звоните! — Мишук одним движением перекрутился на каблучках в сторону выхода и резко сбавил тон: — Ладно, пусть начальство нас рассудит! Сверху всегда виднее! Пошли, раз ты такой умный!

В дирекции Вадим Вадимович кинулся было

к Александру Борисовичу за помощью, но тот ушел от ответственности: «Без меня! Я ничего не решаю. Пожарные есть пожарные. У них своя епархия, у меня — своя. Ничем не могу помочь. Умываю руки». Ничего не оставалось, как звонить в министерство.

И надо же, повезло — с ходу соединили с замом, который подписал письмо.

— Да не волнуйтесь, Вадим Вадимович, сейчас все решим... Это же просто наша работа — служить людям, и мы всегда первыми приходим на помощь... Понимаю всю важность фильма для страны... Успеете снять... Успе-ете... Передайте трубку начальнику пожарной части.

— Это вас! — Вадим Вадимович победоносно подозвал Евгения Ивановича.

— Мишук слушает! Да!.. Так точно, сделаем... И слушаюсь. Организуем. Есть! — Мишук стоял по стойке смирно, прижимал горизонтально трубку к голове, будто честь отдавал. — Никаких проблем!

Вадим Вадимович с облегчением задышал в кулачок. Кашлянул и с улыбочкой посмотрел на Александра Борисовича и Ольгу Валерьевну, которая только что вошла в кабинет и делала вид, что не прислушивается к разговору.

— Слушаюсь и согласен, но вы мне это... того... И пришлите распоряжение за подписью или вот лучше — и приказ... Что на хр...? А как без приказа мне ответственность и на себя возложить? Мало ли что. Сожгут церковь — я и отвечай. А так приказ за подписью — и сразу понятно, что не моя самодеятельность... Что-то плохо вас слышно... Куда-куда идти? Нет, и не отказываюсь, но ответственность и просто так и не возьму... Вижу же — сожгут памятник! А мне и в тюрьму? И понимаю... и что надо... что страна этого ждет... и та самая граница... А меня что? Зона?.. Не вижу в них аккуратности... Людей опять же не хватает, на больничном двое и один в отпуске... Вас я за... Нет, нет и в мыслях нет. Что? На мое усмотрение? Премия за квартал? Мне? А-а всей части? И согласен и приму меры. Передаю трубку. И так точно!

Вадиму Вадимовичу стало не по себе, он сунул руку в карман, но вспомнил, что валидол оставил в чемодане. Проглотив комок в горле, взял трубку.

— Вадим Вадимович, тут такое дело... Сами

знаете, что на местах всегда виднее, что снизу лучше видно, когда непосредственно происходят события, и поэтому, исходя из этого, поручил начальнику пожарной части Мищуку Е.И. лично обеспечить пожарную безопасность съемок и всего прочего и важного. Принять соответствующие меры согласно существующим правилам. Так что поддержка вам будет оказана в полном объеме. Беспокоиться не о чем. Решайте все с Евгением Ивановичем, ему команда дана. До свидания! Мне, извините, пора, спешу на селекторное совещание. И не стесняйтесь, звоните. Желаю успехов в вашем не легком творческом труде! Прощайте!

Вадим Вадимович стоял покачиваясь. Слушал гудки в трубке, еще надеясь, что происходящее перемотают в обратную сторону. Затем, как в замедленной съемке, обернулся к Мищуку. Тот, чеканя слова, выплюнул в перевернутое лицо Вадима Вадимовича:

— У меня прием граждан с десяти до часу, — и тыкнул свысока: — Запишись! — и, не прощаясь, парадным шагом покинул кабинет.

— Ничего не понимаю... Что же делать? — Вадим Вадимович в растерянности обратился к Александру Борисовичу и Ольге Валерьевне.

— Я же у вас утром спрашивал — получили вы разрешение у пожарных? У Мищука? Вы ответили — да! Неужели не ясно, что надо было по приезде сразу договориться с ним.

— Но у меня же письмо имеется из министерства! Даже два — и от культуры, и от пожарных. Обещали содействие в съемках. Я о них говорил.

— Ерунда эти ваши письма! Проще надо быть! Ближе к народу! Вы будто из-за границы приехали. Чего ожидали? Пожарным полагается по правилам присутствовать при съемках в интерьерах. Дерево же кругом! Это их работа. Так бы они «козла» забивали, сидя у теплой печки, а вы им предлагаете за вами с огнетушителями бегать. Есть разница? Или вы не понимаете — сколько забот вы им создаете?

— Но разве замминистра им не указ, даже два замминистра? Поражаюсь... Это же самодурство! Я думал, достаточно письма показать... Чего еще ему надо!

— Вы где живете? А-а... В Ма-аскве-е?! Далековато... Мой вам добрый совет: берите бутылку — и бегом к Мищуку! Еще успеете по горя-

чим следам по-быстрому решить. Не теряйте времени даром! Вот-вот магазин закроется. Порядок есть порядок.

— Ох и попьёт же он вашей кровушки, — Ольга Валерьевна с сочувствием посмотрела на Вадима Вадимовича. — Вы, простите, кто по гороскопу? Козерог?! Ой, не завидую вам! Наивный вы человек! Доверчивый, — и уже совсем по-иному взглянула на будущее Вадима Вадимовича. По-женски, с состраданием.

День

Никогда Вадим Вадимович так быстро не бегал за водкой. Приходилось, конечно, в годы учебы в киноинституте, но вот так, несolidно, — никогда. Все равно не успел — магазин закрылся у него на глазах. Продавщица, гремя ключами, объявила:

— Обед. Через час-полтора подходи. Я товар принимать буду. Поможешь с выгрузкой? Первого обслужу.

«Бред какой-то! Какая выгрузка?! Рехнулись?! За кого они меня принимают? Уж совсем не solidно было бы ящики таскать. Не студент!» — с такими мыслями в отчаянии понесся Вадим Вадимович в свой домик. Схватил пакет с дорогим французским коньяком, кинул туда еще шоколадку, случайно обнаруженную накануне в чемодане, — а что делать? — и помчался в пожарную часть. Пусть захлебнется этот гадкий кровосос, лишь бы не мешал. Только бы успеть уложиться в сроки! Только бы успеть! Иначе Москва не простит! Не поймет! Отступать некуда.

На ступеньках перевел дух, обтер носовым платком потное лицо и шею, отдышался и с достоинством переступил порог логова мерзкого упыря. Там царил казарменный порядок. Ничего лишнего, кричащего, дорогого. Два огнетушителя сиротками стояли у входной двери. Плакаты по противопожарной агитации на стенах караульного помещения напоминали о силе огня и бренности имущества. Железные кровати не вызывали желания прилечь. Застарелый дух табака перебивал запах сапог и пищи. Печь, жадно хрустя, пожирала дрова. Березовая поленица дожидалась своей участи. Строго и аккуратно.

Несколько пожарных во главе с обратнем-

начальником стойкой сгрудились перед телевизором и с охотничьим азартом следили за перемещением мяча на футбольном поле.

Вадим Вадимович скромно пристроился третьим к огнетушителям и деликатным кашлем переключил внимание болельщиков.

— Вам чего? Прием на сегодня закончен! — строго обратился Мишук к Вадиму Вадимовичу.

— Я... это... Да мы с вами недавно... как бы договаривались... — Вадим Вадимович, оттого что его не признали, слегка опешил.

— Вы по какому вопросу? — Мишук продолжал не узнавать Вадима Вадимовича.

— Речь идет о предстоящих съемках фильма. Уделите немного вашего времени...

Мишук с видимым сожалением и с трудом скрываемым злорадством оторвался от важного занятия.

— Так-так-так, кино, значит, приехали снимать? Отчего же в виде исключения и не уделить немного. Раз просят. И пройдемте в мой кабинет.

Кабинет начальника отличался от караулки размером в меньшую сторону, количеством плакатов — в большую, но гораздо пожелтевших от времени, что намекало еще и на бренность жизни, наличием письменного стола и сейфа и отсутствием кроватей.

Мишук по-начальственному развалился на стуле, Вадиму Вадимовичу не предложил присесть. Тому пришлось начинать стоя. Представился. Быстро сообщил о цели приезда. Бегло перечислил звания, награды, участие в кинофестивалях, премии, дипломы. Мельком упомянул несколько известных фамилий из мира кино. Продемонстрировал дорогие наручные часы. Спешил. Перешел к главному:

— Вот, пожалуйста, примите в честь знакомства, — Вадим Вадимович установил пакет с дарами на письменный стол.

— Это что еще такое? — возмутился Мишук, сморщившись. — А?

Вадим Вадимович растерялся: «Курвуазье», — пролепетал он.

— Чё? Что за лажа? Немедля покажи!

Вадим Вадимович испуганно вытащил из пакета бутылку.

— Опаньки! И какая замечательная вещь! — начальник восхищенно взял в руки диковин-

ку. — Вот это дело! Ну совсем другой разговор! Совсем! — Лицо Мишука разгладилось, торжественно засияло. Он ощупывал пузатую бутылку, будто не веря своим глазам, что это не сон, а явь, и вот она — та самая синица в руках, а не журавль, о котором он мечтал. Понюхал. Попытался прочитать название. По слогам. Не вышло. Разобрал на этикетке, что в бутылке находится один литр. Один литр! Рукой взвесил бутылку, проверил — так ли это. Действительно, не врут.

— Много чего разного мне доводилось употреблять: и хорошее, и плохое, и совсем плохое, — но такое впервые. Хоть приличный? Клопами не пахнет? Да ты чего, чего стоишь? Присаживайся!

— Лучший! Франция! — Вадим Вадимович, видя радостные перемены в настроении начальника, сам переменялся. Присел на стул. Заулыбался. Решил подчеркнуть ценность подарка: — У вас такого здесь не купишь, — хотел уже добавить, что «в такой дыре», но вовремя опомнился. — Привезен аж оттуда, — показал рукой куда-то за спину Мишука.

Оставалась лишь самая малость — быстро зафиксировать наступившее перемирие подписанием соглашения или, что обычнее и гораздо надежнее, закрепить мир совместным распитием подарочного напитка. И вперед — снимать!

— А под уху пойдет? — Мишук продолжал вертеть бутылку. Встряхивал. Разглядывал на свет содержимое и так, и этак. Попытался вслух еще раз прочитать название. В очередной раз понюхал. — У нас как раз сегодня на обед знатная ушица из окушков и щучки.

— Думаю, что под уху правильнее беленькая. Холодная рюмочка водочки в самый раз! А коньяк рекомендую употреблять с... — Вадим Вадимович искренне захотел поделиться своим богатым опытом московского гурмана, но не успел.

— Ух ты! И что — и беленькая у тебя есть?! — Мишук обрадовался пуще прежнего от такой невиданной удачи. Свет гостеприимства еще сильнее заиграл на прожжённом жизнью лице начальника пожарной части. — Вот это и дело! А эту цацу и оставим на завтрак. Да? Сразу видать — столица! И широкая ты душа! Дорогой ты мой и человек!

Вадим Вадимович не ожидал такого поворота событий.

— В смысле? Надо еще водку принести?

— Что? Нету! Ладно меня разыгрывать. И кто сказал, что эта не катит под уху? Не по инструкции, — Мишук прикурил папиросу. Откинулся на стуле. Сквозь дым посмотрел в глаза Вадима Вадимовича. Прищурился. — Уха без водки у нас рыбным супом зовется. Обидно... Не ожидал от тебя подвоха. — Мишук забарабанил пальцами правой руки по столешнице. Продолжил пристально смотреть на Вадима Вадимовича. Курить. Помалкивать.

Бежать обратно в магазин Вадиму Вадимовичу вовсе не хотелось.

— Да что вы! Вы меня не так поняли... Я бы с радостью сходил бы в магазин, но сейчас там обед, а после открытия — объявили — будет приемка товара. Придется ждать. Сколько — даже не знаю.

— Не беда, было бы желание! Для нас всегда открыто! Сейчас машину заведем и вмиг туда-обратно сгоняем, — Мишук встал и зычно проорал: — Тревога! По машина-а-м! Магази-ин горит!

Тут же дверь распахнулась и молодой пожарный, закрыв проход, разгневанно произнес:

— Иваныч, ты что, охренел, обедать садимся!

— И я про это! Ты чего сегодня желаешь: рыбный суп или уху? Немедленно заводи машину. Вот с товарищем из Москвы срочно в магазин. Одна нога здесь, другая — там!

— Так бы и сказал, а то «Тревога! Магазин горит!», накаркаешь еще. Типун тебе на язык. Ну что? По коням!

День. Продолжение

Никогда Вадим Вадимович не ездил так быстро за водкой. А в пожарной машине вообще ни разу. Сразу рванули! Стремительно подъехали к магазину. Выскочили. Оказались первыми. В самый раз. Не мешкая, водитель кинулся помогать занести товар. Вадим Вадимович безропотно пристроился помощником. По окончании разгрузки за старательность заслужил похвалу напарника и продавщицы. Польстило. Давненько не хвалили его за подобную ерунду.

Вадим Вадимович захотел было взять одну и

самую недорогую бутылку водки. И этим отделаться. Но после уместного замечания продавщицы: «Не советую. Такой представительный мужчина, а покупает всякую дрянь. Наши ее не уважают», Вадим Вадимович извинился: «Это от незнания местного ассортимента. Подкупающая цена. Почти как у нас в столице! Посоветуйте на ваше усмотрение». Водитель подбодрил: «Бери сразу две! Чего машину лишний раз гонять!» Вадим Вадимович продемонстрировал столичное достоинство — попросил две бутылки. Вручили самые дорогие, самые большие!

Вернулись. Тотчас сели за стол. Вадима Вадимовича пригласили разделить удачу. Тут уже было не до разговоров о съемке. Загудели с ходу.

— Да я на работе. Мне никак нельзя. Поймите же, съемка, — отказывался Вадим Вадимович, прикрывая стакан ладонью. — Евгений Иванович, прошу вас, давайте завершим.

— Все на работе! — Мишук торжественно встал во главе стола на разлив добычи. Строго отмерял напиток. Каждый граненый стакан брал в руки и сравнивал по первому — ровно ли? Отливал и доливал. — Куда ты торопишься? Посмотри, какое совпадение! И уха, и водочка, и компания! Прозеваешь — локти кусать будешь! Когда еще так повезет, — уговаривал Мишук. — А наснимать еще успеешь... Как говорится, война войной, а обед по расписанию! Не парься, наговоримся еще... За дорогого гостя до дна! Ура!

Вадим Вадимович через подсознательное «не хочу — не буду» познал разницу между ухой и рыбным супом. Выпил залпом водку. Заел ушицей. Понравилось. Повторить отказался. Уговорили. С трудом удержался от третьего повтора. Очень хотелось сегодня хоть что-нибудь да отснять. В конце-то концов! А уха-то хороша!

— Вот скажи мне по чесноку, как у вас на «Мосфильме» платят? Да не тебе, пожарным. Сколько? — затеял после обеда сытый разговор Мишук. — Хотелось бы и понять — не обделены ли мы?

— Почему вы решили, что я мосфильмовец! Я — документалист! — с гордостью за профессию ответил Вадим Вадимович. — Другой, знаете, жанр.

— Выходит, ты и на документы снимать умеешь? На паспорт? — явно начальник был с логикой уже не в ладах.

— Я не фотограф, а кинодокументалист, — с гордостью в голосе подчеркнул различие Вадим Вадимович.

— Значит, слабо нас сфоткать! — начальник оглядел подчиненных, как бы призывая поддержать его в гневе, и стал наливаясь краской. — Не хочешь или не можешь? А?!

Вадим Вадимович испугался. Не хватало сейчас опять поссориться из-за чепухи.

— Да что вы, мне не сложно вас сфотографировать. Пожалуйста, я готов. Пойду схожу за фотоаппаратом и...

— Молодец! Можешь, и когда захочешь!.. Стоп, не спеши, — Мишук на секунду задумался. — Адавай-ка ты и отснимешь наших отличников боевой и политической подготовки. Доска почета есть — в гараже давно без дела лежит, от прежнего начальника наследство, а фоток нет! Непорядок! Исправляй! — Мишук подбоchenился. Стал строить планы. — Вот приедет и до нас с проверкой начальство, может быть, даже лично сам замминистра или — еще лучше! — и сам министр, а у нас все тип-топ. Фото лучших бойцов на Доске почета, рядом фотки с учений висят. Шик-блеск-красота! Министр точно заценит. Я начальство знаю! За инициативу можно и премию огрести или еще чего схлопотать, в общем, что-нибудь да дадут. Обязательно! — Лицо начальника пожарной части запотело радостью возможных премиальных и гипотетических наград.

— И хватит и болтать. Гуляем! Завтра приходи. К девяти будь, как штык! Я сказал: как штык! Не опаздывать! И фотик не забудь! — уже обращаясь к подчиненным, грозно выкрикнул: — И приказываю — и наливай! По пятьдесят! А то «тревогу» объявлю. А напоследок я тебе скажу, — Мишук подвел итог встречи: — Пока Доску почета не оформишь — в храме снимать и не разрешаю! И чтоб фотки цветные были! Хватит черно-белым нас кормить! Кто скажет, что я не прав, и уволю! Наливай!

Утро

Ровно к девяти, как и договаривались, Вадим Вадимович и Кирилл прибыли с аппаратурой к пожарной части. Красная машина сияла чистотой. Солнце играло на мокрых боках. Ми-

шук и караул выстроились рядом. Не теряя времени даром, приступили к съемкам. По команде Мишука решено было сделать жанровый снимок: групповую композицию «Пожарный расчет выезжает по тревоге на охраняемый объект деревянного зодчества». В анфас и в профиль.

А утро задалось. Солнечно. Небо чистое. Воздух прозрачен. Облака и высоко, и далеко по краю озера выстроились. Ветер волны по синему озеру гоняет. Свет что надо. Лучше не бывает.

Дело заспорилось. Начальник лично расставил подчиненных: приказал всем надеть каски, водителю — занять место в кабине и взяться двумя руками за руль, повернуть голову влево и смотреть в открытое окно. Одному из бойцов — встать на подножку машины, другому — высунуться по пояс из верхнего люка кабины, крепко ухватиться за лафетный ствол на крыше и смотреть прямо, третьему — стоять у переднего колеса с пожарным топориком в замахе. Себя начальник определил в центр композиции — на несколько шагов впереди всех. Вадим Вадимович вежливо попросил его занять место в общей группе, иначе фотография выйдет нерезкой. Пришлось подчиниться. Успешно отсняли. Перешли к следующей задаче — портретной съемке передовиков. В караульном помещении к стене прикрепили простыню, поставили стул, причесали кандидатов, установили дополнительное освещение. Отсняли всех присутствующих. Мишука несколько раз: сидя, в головном уборе и без, затем стоя в шинели, а затем и в плаще. Тот хотел еще и в зимнем обмундировании, но вспомнил, что не получил его.

Вадим Вадимович с облегчением выдохнул. Наконец все неприятности позади. Отмучился. «Теперь — снимать, снимать и снимать! Скорее на пленэр, на свежий воздух!»

— Значит, как договаривались, и завтра к девяти! И не забудь! — Мишук, довольный сегодняшним результатом, потирал руки. — На обед заглянешь, Вадим Вадимович?

— Простите, я не понял, зачем завтра приходите? Разве мы не закончили?

— Какой отсняли? — Мишук посмотрел на Вадима Вадимовича как на несмышлениша. Рассмеялся. — У меня же четыре караула. Сегодня — первый и завтра — второй придет на работу, и третий...

— Господи, ну почему так? — Вадим Вадимович вслух обратился за разъяснением к высшим силам. — Нельзя ли было сегодня всех собрать и за один раз отснять? Так четыре дня потребуется!

— А где я их тебе найду? Это тебе не Москва — свистнул или позвонил и все примчались на метро. Народ по островам, по деревням проживает, связи нет, да и электричество не у всех имеется. Кто, может, и в город отъехал или на рыбалку там, или за ягодой, или еще куда. Где мне их искать? У них законные выходные. Да и зачем? Сами придут на смену.

— Но это же четыре дня! Нам уже пора уезжать! Я планировал сегодня завершить съемку в церкви и завтра уехать. Нам еще в Архангельск и на Соловки попасть надо! Черт знает что! Не понимаю, как так можно поступать!

— Не сердчай! А чего тут понимать? Вот отснимешь все караулы и езжай, дорогой ты мой человечек, подальше и куда тебе захочется. А иначе нельзя. Отменю договор с тобой — так меня подчиненные перестанут и уважать. Я же не кто-нибудь, не рядовой человек, а начальник: если отдал приказ, так исполняйте! А то раз отменил и еще раз отменил — и что? Авторитет и потерял. Знай: приказ можно только другим приказом заменить. По секрету тебе скажу, часто делать этого не рекомендуется. Это и есть главный закон службы и инструкция для всей нашей гражданской жизни. Так что продолжай спокойно и не торопясь снимать. И не забудь — еще надо фотки утвердить. А то шелкал, шелкал, а кто знает, что ты там и нащелкал? Может, у тебя там и пленки нет.

— Да пришлю вам эти дур... ваши фотографии, честное слово. Вернемся в Москву — проявлю и пришлю. Поверьте мне! Вы мне сроки срываете! Я не успеваю!

— Не шуми! Ну не могу я отменить и свое решение! Ну не могу... А прояви ты инициативу, в Петрозаводске прояви пленку. Чего в Москву переться! Отправь-ка своего помощника в город. Теперь там за один день печатают. Сразу и оценим. Так что и жду и завтра. И мне и пора — и я и учения провожу, — Мишук натренированно прокричал: «Тревога-а-а! По машина-а-м! Магазин горит!»

Вечер

Порой и не такое бывает в отечественной жизни. Вадиму Вадимовичу показалось, что это лишь досадная пауза в съемках. Так — пустяк! Эпизод. Нелепый водоворот непредвиденных случайностей. Скоро закончится и забудется. И не заметил, как кремлевские куранты поменялись местами с настенными ходиками. Как омут местного бытия стремительно подхватил его и затянул на дно провинциального мира, что теперь деревенская кукушка отсчитывает ход событий.

Прощай, столица Москва! Здравствуй, Русский Север!

И полетели дни один за одним. Не различить! Все одного цвета — красные кадры плавали в глазах: огнетушители, брандспойты, ведра, топоры, шланги, машина пожарная и сами пожарные в касках и без — все размыто, размазано, нечетко и рефреном, крупным планом — красная рожа Мишука! Вадиму Вадимовичу уже мерещилось, что этой круговерти не будет конца, как в кинотеатре повторного фильма. «Стоп!» — хотелось в голос закричать Вадиму Вадимовичу, но лишь, как в немом фильме, пробежала по экрану подсознания надпись: «Стоп, стоп!» В промежутке урывками снимали экстерьеры. Но вот забрезжила надежда: отснят последний караул и завтра утром Кирилл отправится в Петрозаводск, к вечеру обернется, а тем же вечером, дай бог, будет пройден худсовет у Мишука, и наконец послезавтра съемка интерьера церкви Покрова Богородицы — и все, прощай навсегда, остров Киж, здравствуй, родная Москва!

Но, как говорится, беда не приходит одна. На седьмой день пребывания на острове Кирилл подпалил куртку Вадима Вадимовича. Хорошая была вещь — дорогая, импортная. Очень она шла к лицу Вадима Вадимовича, сразу было видно, что солидный человек, не шелупонь.

К вечеру похолодало. Кирилл попробовал растопить печь. Да разве умеет городской человек, если впервые, знать, как обращаться, где что открывать и закрывать по правилам? Заслонку в печке-голландке не выдвинул, дыму напустил и, недолго думая, вытащил тлеющее полено — решил раздуть огонь, да глаза заслезались, потянулся протереть, вот и ткнул поленом по куртке

Вадима Вадимовича, изгадил, пока тот рядом стоял, советы давал. Была вещь, и нет вещи. В чем теперь ходить?

Кирилл расстроился, убежал с глаз долой в гости к студенткам-экскурсоводам. И когда только успел познакомиться?! Огорченный Вадим Вадимович вышел на крыльцо под мелкий дождик остыть от гнева.

На близком соседнем крыльце Ольга Валерьевна курила сигарету и задумчиво, кутаясь в темную шаль, сквозь сиреневый дым всматривалась в озеро. Вечерело. Дождик шуршал по крышам, листья деревьев, лавке перед домиком, громкой струйкой стучал по опрокинутому цинковому ведру под водостоком. На мгновение затихал, а затем вновь принимался за свою унылую работу. Тропинка, почерневшая до блеска, серпантинном сбегала к берегу. За серой пеленой мороси вдали виднелись размытые контуры островов. С какого-то из них в дождливой тишине доносилось пение кукушки. Быстро смеркалось.

«Невероятно! Это Тарковский, точь-в-точь фильм «Зеркало», один в один!» — сравнил Вадим Вадимович картинку.

И что-то неясное почудилось-привиделось, и что-то в нем екнуло. Грусть-печаль нахлынула. Захотелось закурить и так же встать рядом с женщиной, и в молчании слушать, и рассматривать притихшее озеро, и ничего не говорить. И, не произнеся ни слова, постепенно становиться ближе друг другу. Потянуло даже обнять малознакомую женщину. И уж совсем нелепое: у Вадима Вадимовича возникло желание, чтобы вечер продолжался как можно дольше — о, какое сладкое грустное наслаждение! Какая неожиданная награда за испытанные унижения! Просто стоять и смотреть на озеро — ничего более. Ничего?

Подчинясь порыву, Вадим Вадимович вошел в кадр — прошел по мокрой траве к Ольге Валерьевне. Попросил сигарету. Хотя давным-давно бросил. Она удивленно посмотрела, вытащила пачку и протянула. Он неловко прикурил. Закашлялся. Стоять в промокших туфлях было холодно и противно. Одиноко. Пожалел себя. Не сдержался и стал сбивчиво рассказывать, точнее жаловаться. На все и всех. Рассказал о недавних перипетиях. Неправедностях. Вскользь — о

прожитой жизни. Сокрушался о прожженной куртке. Нашел сочувствие.

— Да что мы здесь мокнем? Проходите! Чаю?

— Не откажусь.

В домике было жарко натоплено. На полу, прижимаясь друг к другу, лежали домотканые коврики. На столе горели свечи. В полумраке сладко пахло духами и кофеем. Женщиной. Звучал негромко клавесин. Вадиму Вадимовичу сразу стало тепло и уютно, промелькнуло: «Неплохо-неплохо. Очень мило. Согревающий интерьер».

Утро

В сентябре, а порой и в первых числах октября, природа заново рождает лето — на север возвращается тепло. Ненадолго. Наобещает навсегда, а миг исчезнет, не прощаясь. Оттого и зовется это времечко бабьим летом. Удивительная пора! Наступают теплые дни, да такие теплые, что кажется и правда вернулся июнь-июль. Хоть загорай-купайся, отдыхай по полной.

Ранним теплым солнечным утром Вадим Вадимович неподвижно стоял на краю небольшого деревянного причала, спрятавшегося за сувенирными ларьками. В сотне метров к главной пристани острова швартовался туристический теплоход. Вадим Вадимович завороченно смотрел в прозрачную воду. Жить больше не хотелось. Совсем. После вчерашнего вечера. Хотелось утопиться. Поскорей.

Не ожидал от себя Вадим Вадимович таких выкрутасов. Никак не ожидал. Но попутал вчера бес. Так расслабляюще хорошо было в домике у Ольги Валерьевны, по-домашнему. Он почувствовал себя молодым и достаточно свободным, человеком другой судьбы, что сейчас ему все можно и доступно, что все ему по плечу. Просчитался.

Не стоило пить! Да как отказать, если женщина предлагает?!

Вечер. Продолжение

— Может, рюмочку, у меня есть немного бальзама — наш, карельский. Все его нахваляют. Согрейтесь!

— Не откажусь.

Выпили не чокаясь. Вадим Вадимович взглянул на Ольгу Валерьевну другими глазами. Вот сидит перед ним женщина — добрая. И отзывчивая. Не красавица, но привлекательная. Интересная... А бальзам ничего, вполне приличный, крепковат, правда... надо бы бутылочку с собой в Москву прихватить...

Еще выпили по рюмочке, но уже чокнулись — за Ольгу Валерьевну!

Становилось уютней и уютней. Теплей. Еще выпили. Точнее, пил и говорил Вадим Вадимович, Ольга Валерьевна делала маленький глоток и отставляла рюмку. Помалкивала. Поглядывала с интересом: в угол, на нос, на Вадима Вадимовича. Взгляд будоражил гостя.

Еще раз подняли рюмки за Ольгу Валерьевну: за ее доброту и красоту, улыбку. И гостеприимство.

Вадиму Вадимовичу становилось гораздо лучше и лучше. Неприятности постепенно ушли на задний план. На переднем, ближнем, уже грезилось разное: что вот он приходит как бы домой — у себя в Москве, и там его встречает заботливая Ольга Валерьевна, как бы жена. Или, наоборот, он живет вот в этом домике: гудит огонь в печи, стол накрыт к ужину, он томится ожиданием, выглядывает в темное окно. Вот-вот должна прийти Ольга Валерьевна. Наверное, с работы. Она якобы его женщина. Горят в полумраке свечи... Чертовщина какая-то! Бред!

Разгоряченный воображением, Вадим Вадимович поймал кураж. Он с воодушевлением рассказывал киношные случаи из жизни. Упоминал известные города и рестораны, в которых побывал, названия напитков и блюд, которые отведал, фильмов, которые видел, и режиссеров, с которыми знаком и кое с кем выпивал. И так далее. И все бы хорошо, но бальзам закончился, вроде пора и честь знать. А уходить совсем не хотелось. Можно и подзадержаться, казалось, что и Ольга Валерьевна не против. Но какого черта его понесло за добавкой? Понятно, что хотелось и продолжения, и чего-то большего. Захотелось, чтобы большой-большой праздник пришел в эту маленькую карельскую деревню! Официант, шампанского! Дюжину! Ах, где наша не пропадала!

Ночь

Вадим Вадимович помчался в темную ночь. Нашел. За какими-то гаражами по подсказке Ольги Валерьевны он разыскал белый кирпичный сарай с пиктограммой в виде переломленной стрелы и надписью на железных дверях: «Высокое напряжение. Не влезай — убьет!» Постучался условным стуком. Открыли. Пропустили внутрь. Чего здесь только не было! Среди каких-то непонятных механизмов — не то моторов, не то трансформаторов, аккуратно стояли ящики с вожденными напитками. Имелось все, что требуется душе в столь позднее время. Шампанское? Пожалуйста! Карельский бальзам? Завернуть? Водочки? Какой вам? А не желаете ли разбавить пепси-колой? Пиво тоже имеется. Цены как в столичном ресторане. А что поделать? Здесь не занимаются благотворительностью. Это ночная жизнь, детка! Запрещенная и опасная. Поторопись, не задерживай честных и добрых людей.

— Так будете брать или глазки строить?

— Буду!

Вадим Вадимович прикупил что хотел, но не успел ретироваться. На выходе столкнулся с Мишуком. Вот кого меньше всего хотел видеть в столь поздний час Вадим Вадимович. Но не повезло.

А у Мишука, наоборот, радости не было конца. Он обнял Вадима Вадимовича как закадычного друга. Стал тискать, хлопать по спине, прижимать к груди, целовать, крепко обнимать, словно после долгой разлуки. Косил глаза на шампанское и бальзам в руках Вадима Вадимовича. От Мишука пахло хорошим коньяком. Что-то, а Вадим Вадимович в этом разбирался, знал толк и цены.

— Давай помогу донести, — искренне предложил помощь Евгений Иванович, крепко держа Вадима Вадимовича за руки и нетвердо стоя на ногах. — Меня не убудет.

Не отвертеться, не отказаться. Не убежать и не спрятаться. Пришлось Вадиму Вадимовичу согласиться. Думалось ему, что по дороге отвяжется от него настырный начальник. Но дернул черт за язык Вадима Вадимовича обмолвиться о сожженной куртке. Что тут началось! Потащил Мишук Вадима Вадимовича в

пожарную часть, открыл кладовку, подобрал по размеру форменный китель, заставил надеть, расписаться в какой-то ведомости.

— Дарю от всей души! И ему и сносу нет! Не один год и походишь! — доброта Мишука не знала границ. — И теперь и наливай! Надо отметить обновку.

— Да не надо мне вашей формы. Где я в ней ходить буду? — старался деликатно отбиться от Мишука Вадим Вадимович. — Прошу вас, отпустите меня! Я спешу, меня ждют.

— Успеешь! Вот тебе еще и фуражка, и можешь и не расписываться — так отдам. Нравишься ты мне, щедрый мой и человек! Давай и не томи, и наливай!

Пришлось налить, а куда деваться? Выпить на брудершафт с начальником отказался, но по совету Мишука попробовал стакан шампанского, разбавленного бальзамом. Не знал Вадим Вадимович, что данная смесь зовется «карельским медведем». Слышал, что нечто похожее — водка с шампанским — называется «белый медведь» (только отважные полярники могут пить), имеется благородный аналог «бурый медведь» — шампанское с коньяком (его армейские офицеры предпочитают) — убойный напиток, а о карельском ничего не слышал. Узнал. Да, вкусно, но лучше бы кто-нибудь рассказал.

Утро. Продолжение

Хроника событий убивала. Вадим Вадимович кадр за кадром смутно вспомнил, как все-таки выпил с Мишуком на брудершафт, уже по своей инициативе; как бегал еще раз за добавкой и, кажется, еще раз. И все. Темнота. Обрыв пленки воспоминаний.

Проснулся от мучившей жажды на половичке в домике Ольги Валерьевны без брюк и туфель — они под головой лежали, но в новеньком кителе и фуражке с пропущенным ремешком под подбородком. Ужас-ужас. Позор! Стыд-то какой! Не прощаясь, Вадим Вадимович по-тихому оделся и бесшумно выскользнул из домика. Побежал скорее с глаз долой. Хотелось немедленно провалиться под землю или где-нибудь подальше спрятаться. Только бы ни с кем сейчас не говорить и никого не видеть! И забыть эту ночь навсегда. Или умереть.

Но до этого еще надо дожить. Организм сам подсказал решение.

Бармен, гладко выбритый, в белоснежной рубашке с черной бабочкой на шее, протирает стаканы. Шипела кофе-машина. В баре никого больше не было. Не было больше и денег у Вадима Вадимовича. Погулял так погулял! На что жить дальше? Вадим Вадимович робко протянул бармену часы — видел подобное в каком-то зарубежном фильме, и бармен, похоже, тоже смотрел это кино. Посмотрел внимательно на Вадима Вадимовича, затем повертел часы с разных сторон и вернул. Мол, не надо. Не катит, отстой! Вадим Вадимович понимал, что если не выпьет немедленно, то всё — конец фильма. Закончатся его дни на этом северном острове.

Он умоляюще посмотрел в глаза бармена. Тот оказался человеком. Добрым. С большой буквы. Оглядел с ног до головы новый наряд Вадима Вадимовича, покачал головой, достал из-под стойки общую тетрадь, раскрыл на середине, попросил Вадима Вадимовича назвать фамилию. Записал дату, сумму и фамилию на отдельной странице. Расписываться? Не надо. Здесь не город — вас никто не обманет. Перед отъездом, мол, вернете деньги. Убрал тетрадь обратно. Профессионально смешал сто грамм водки и полстакана томатного сока, сдобрил перцем, отрезал лимонную дольку, пододвинул напиток Вадиму Вадимовичу. В жизни ничего более вкусного и полезного не пил Вадим Вадимович, а главное — вовремя.

Просить бармена повторить не решился. Каким-то задним умом понял, что лучше позже еще раз зайти. Больше шансов, а сейчас может отказать. Но полегчало чуть-чуть.

Душа же Вадима Вадимовича продолжала страдать, вздрагивала от каждого встречного взгляда — казалось, что местные жители уже знают о произошедшем. Посматривают на него по-особенному. Кто с усмешкой, а кто и с презрением, так казалось Вадиму Вадимовичу. Пугала встреча с Ольгой Валерьевной. Опять вспомнилась прошедшая ночь. Неужели что-то было? Вадим Вадимович содрогнулся. Боже ты мой, боже! Только бы не встречаться с ней, не объясняться!

Он спустился на берег. Невыносимая тяжесть бытия давила — голову сжимал невидимый обруч. И как жить дальше?..

Утро. Продолжение

Вадим Вадимович в новом пожарном кителе и фуражке, как постовой, стоял на краю причала и завороченно смотрел в воду, будто пытаясь разглядеть что-то на глубине. Как абсурдно просто — достаточно сделать последний шаг и всё — прощай сладкая жизнь. Навсегда. Нет больше горестей и печалей, и радостей больше нет. Нет ничего... Да жить больше не хотелось... Но нелегко с жизнью расставаться! Вадим Вадимович медлил.

Очередной теплоход, пришвартовавшись, выпускал на берег туристов. По-английски женским голосом через мегафон громко звучали объявления.

Вадим Вадимович продолжал неподвижно стоять. Но бывает, что и в последние минуты жизни нежданно-негаданно приходит спасение.

Удача пришла в лице бодрого пожилого иностранца в шортах и футболке, с полотенцем в руках, который трусцой забежал на причал, с ходу сбросил одежду и, сделав пару махов руками, приготовился нырнуть.

— Стойте, остановитесь! — Вадим Вадимович, очнувшись, сделал шаг навстречу незнакомцу. Нет, он не собирался возмутиться, что, мол, здесь живая очередь и давайте, господа, соблюдать очередность. Нет, совсем другое его подвигло так поступить: «Часы, часы забыли снять!» Да-да, простая забота о другом человеке. И, чтобы было нагляднее, задрал левый рукав кителя, показал иностранцу часы и, как глухому, прокричал: «Часы свои испортите! Вода! Вода! Вотер, вассер! Аква минерале!»

Иностранец как будто понял, о чем ему втолковывает Вадим Вадимович. Он посмотрел на свои часы, затем на часы Вадима Вадимовича, посмотрел на самого Вадима Вадимовича, явно с уважением оценил форменный прикид и произнес понятное большинству жителей Земли: «О'кей, о'кей! Ван момент!» — запустил руку в карман шорт и достал несколько скомканных бумажек зеленого цвета, выбрал одну и протянул ее Вадиму Вадимовичу: «О'кей?»

Это была купюра достоинством в один доллар. Старик в буклях, первый президент заокеанской

страны, приветливо взирал на Вадима Вадимовича. Скупно улыбался. Сулил золотые горы.

Вадим Вадимович недоуменно взирал в ответ. То на президента, то на иностранца — явно американца. И не понимал происходящее. Не перепутали ли его с кем-то? Американец добавил еще бумажку: «О'кей?» — мол, достаточно?

Брать или не брать? Вот в чем вопрос! Советское воспитание Вадима Вадимовича отвергало подачку. Это же унизительно! У нас имеется своя гордость! Но новый перестроечный менталитет — зарождающееся «чувство хозяина» и измученная душа подсказывали — брать. Взял. Стыдливо сунул деньги в карман. Произнес ответное: «О'кей!» — мол, большое спасибо! — И как там у вас, «сэнкью!» — Американец дружелюбно хлопнул Вадима Вадимовича по плечу и полез в воду. Но тут еще группа джентльменов забежала на причал. Американец что-то им стал объяснять, показывая рукой на Вадима Вадимовича, часы, воду и обратно. Вадим Вадимович лишь разобрал «прайз» и «мани». Новые желающие освежить себя в водах Онежского озера послушно выстроились в очередь к Вадиму Вадимовичу. Приготовили доллары.

С каждой полученной купюрой плечи Вадима Вадимовича расправлялись, спина делалась прямее и прямее, рост выше, взгляд строже. Ментальность цивилизованнее. И сознание нормализовалось.

Взгляд как бы говорил: «Ничего в этой жизни не бывает бесплатного, только сыр в мышеловке, за все надо платить, господа-товарищи! Халява закончилась! У нас. Понятно, мои заморские друзья?»

Но все хорошее когда-то заканчивается. Очередь желающих искупаться за валюту иссякла.

Денег хватило и с долгом рассчитаться, и здоровье окончательно поправить, и подружиться с завсегдатаями, и уже культурно провести время в баре с новыми друзьями до приезда Кирилла из города. Денег хватило и на худсовет, прошедший на ура под водочку и уху, на котором утвердили фотографии. А позже Вадиму Вадимовичу хватило смелости заглянуть к Ольге Валерьевне для извинений и, как-то само собой получилось, заночевать.

А наутро наконец-то завершить съемки.

Вечер

Закат догорал. Натура уходила. Остров Киж покрывлся багрянцем. Но Вадиму Вадимовичу и Кириллу было не до красоты вечера. Они стояли в толпе отъезжающих и ждали посадки на последний рейс «Кометы». Томились. По-своему. Кирилла провожала барышня-экскурсоводша. Хорошенькая. Им было и радостно вдвоем — как здорово, что судьба свела их, и грустно прощаться — как жаль, что судьба разлучает. И, похоже, навсегда.

Вадима Вадимовича провожала Ольга Валерьевна. Они стояли ровно на том расстоянии друг от друга, чтобы окружающие не подумали ничего такого, но все, глядя на них, сразу и думали — наверняка есть в их отношениях что-то такое. Вы только посмотрите, как они стоят!

Вадим Вадимович маялся. Что-то поменялось в нем. Неясно: или прибавилось, или убавилось. Но сдвиг пошел внутри. Чуть-чуть. Но Вадиму Вадимовичу не хотелось об этом думать, ему не терпелось побыстрее уехать. Хватит! Достаточно. Эта жизнь не для него. Как бы милы и приятны ни были здесь люди — это не его судьба. Пусть другие так живут. Поскорей бы отплыть!

Элитный теплоход «Лев Толстой», плававший номенклатурный санаторий, принадлежащий четвертому главному управлению Министерства здравоохранения, по-хозяйски швартовался к пристани.

Двадцать два купола Преображенской и корона из девяти куполов Покровской церковью сияли багрянцем закатного солнца. Шатер колокольни устремился ввысь. Жемчужина русского народного деревянного зодчества, не обремененная влиянием чужих архитектур, — Кижский погост, созданный «без единого гвоздя» и указаний сверху, а лишь волею живших здесь триста лет назад людей, — одиноко застыл на огороженной и строго охраняемой территории заповедника. Закрылся музей. До завтра.

На второй палубе в белых туфлях, белых брюках и плаще, и белой шляпе самый главный кинорежиссер страны, протянув руку в направлении погоста, хорошо поставленным голосом, аристократично картавя, вещал многочисленной свите: «Взгляните, какая лепота кругом!

Нигде в мире подобного нет и не будет. Чудо-чудесное! И это все наше, родное».

— А чувствуете какой здесь удивительный воздух? Дух! Знайте, остров Киж, — продолжал он, не оборачиваясь к свите, — Исландия русского эпоса! Здесь впервые были записаны былины про богатырей наших — Илью Муромца, Алешу Поповича, Добрыню Никитича, новгородского купца Садко, Соловья-разбойника, Змея Горыныча... Про героические подвиги предков наших. Каково! Это наше богатство! Как я люблю тебя, Россия!

Вадим Вадимович кинулся было поздороваться — он был мельком знаком с самым-самым, как-то сидели на каком-то торжестве за многолюдным столом с разных краев. Но, увидев себя со стороны — небритого, с бодуна, с перегаром, в прожженной куртке, — опомнился. Да и посадку объявили.

Всё, прощай, остров Киж!

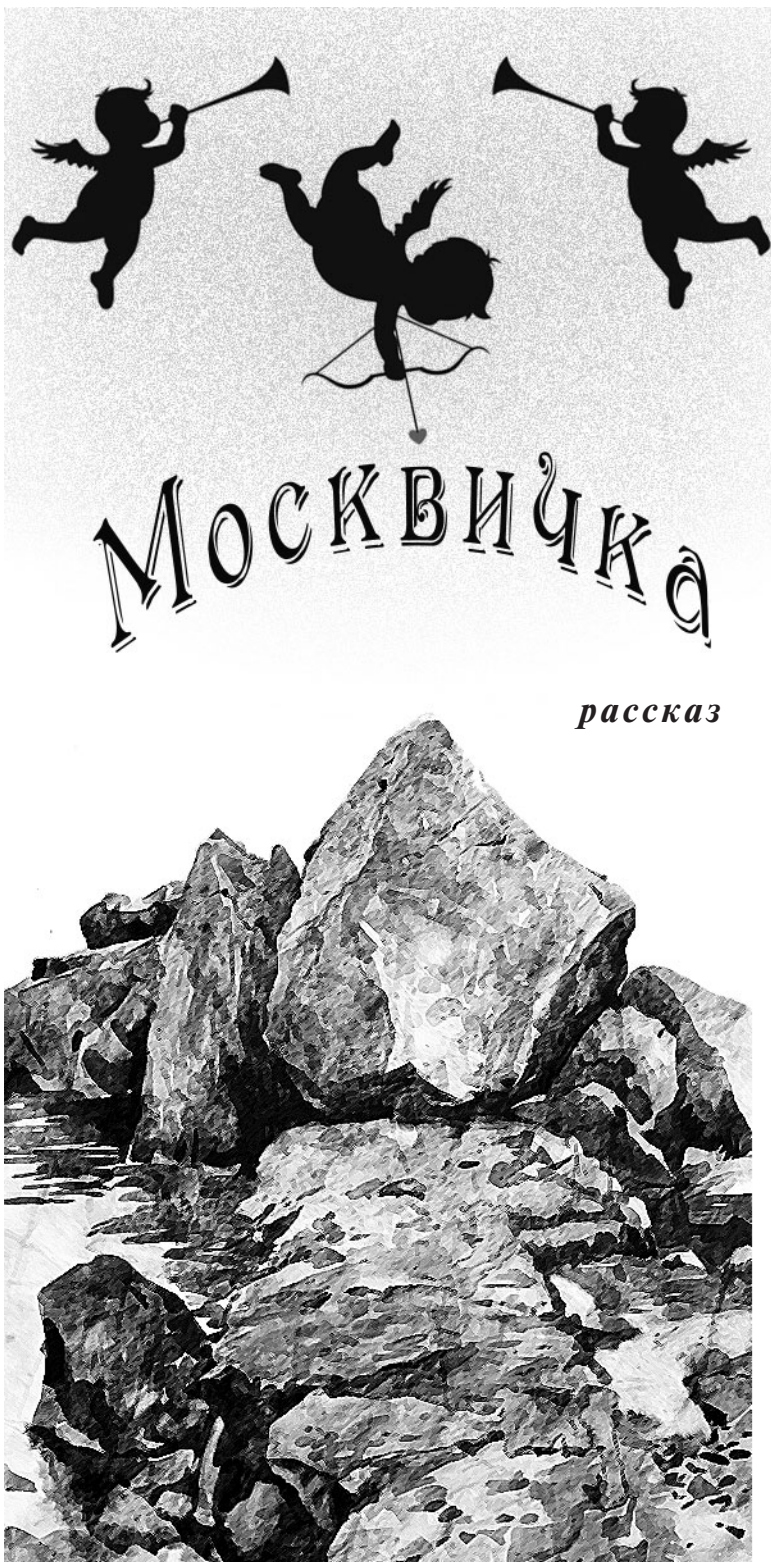
На краю причала в темно-темно-синей плащ-накидке стоял Мишук. Широко и твердо расставив ноги в черных яловых сапогах, скрестив руки на груди, он пристально из-под капюшона наблюдал, как покидает теплоход многочисленная команда киношников: выгружают аппаратуру и прочий скарб.

— Знайте, русским человеком может быть только тот, у кого чего-нибудь нет, но так нет, что нет, — и хрен с ним, — громко высказывал новую мысль самый главный кинорежиссер страны. — Но нет и страны лучше России! И об этом мы и будем снимать!

Мишук прислушался: вот она — долгожданная оказия. Настоящая. Повезло! Погуляем так погуляем!

Закурил. Вкусно затянулся. Зажал папиросу в уголок рта. И твердым шагом направился к столичным гостям. Пора и представиться.

Но это уже другое кино начинается — художественное.

Часть первая

Иван Архипович спешил — не хотел опаздывать на смену. Ходко шел. Лыжня, за зиму накатанная его же ногами по озеру, помогала. Осталось лишь загубину между Гоголевым наволоком и безымянным островком пересечь, к берегу повернуть — и до пожарки рукой подать. Вот и дымок из трубы видать, запах печной сладкий в весеннем воздухе издаleка вкусно притягивает. Кижский погост в синее небо куполами упирается. Облака белые высоко-высоко медленно плывут. Лыжи легко скользят. Уже недалеко. Больно резво шел: хорошо, что всего лишь пару раз кувырнулся рожей в снег, ну, может, три, нет — четыре разочка, но это от нетерпения оступился, да и дорога от дома неблизкая — больше часа шлепать, подустал маленько.

А торопиться было из-за чего: по телевизору показывали «Утреннюю гимнастику». Других телепередач с частично обнаженным женским телом на советском телевидении не существовало. Не хотели баловать эротикой.

Несколько девушек в черных, плотно облегающих молодые тела трико по команде ведущей старательно выполняли упражнения: наклоны, приседания, круговые движения руками или лежали на маленькие коврики и быстро двигали ногами, прыгали на скакалках — и тогда их крепкие спортивные груди поднимались и опускались в такт музыке. Их лица были чисты и сосредоточенны и без капельки пота. Спортсменки! Комсомолки! Настоящие красавицы! Жаль, перед сном не показывают.

Сегодня, в понедельник, у них пересмена — новый состав.

Эх, будет что обсудить бойцам пожарной части, кого и что с чем и кем сравнить, да и уважительная причина — вспомнить минувшие дни, да и прочей ерунды в придачу. А поводов к душевному общению зимняя островная жизнь деревенским мужикам подбрасывала мало. Скупилась.

Иван Архипович только и успел лыжи скинуть, к стенке наружной поставить, валенки веником от снега обмахнуть, ватник на гвоздь повесить, поздороваться с коллективом и занять место в первом ряду по праву возраста и

должности начальника караула, как передача началась. Вовремя успел. Не зря спешил.

Облепив полукругом черно-белый ящик, пожарные — от мала до велика, в предвкушении мнимого знакомства — выбирай любую! — молча уставились в экран. Дружно закурили. Сдержанно задышали. Кто сидел, кто стоял — никто не шевелился, не скрипел стульями, не разговаривал. Дым папирос и музыка эфира заполнили пространство.

А за окном — апрель, капель, солнце. Весна красна!

Онего-озеро, огромное, еще по-зимнему неподвижное, белое, скованное льдом, постепенно, день от дня, набухает темными пятнами промоин. И вот по утрам появляются первые открытые места, и скоро можно будет спустить лодки на воду, поставить сети, а к вечеру выгнать замерзшими руками первых рыб. Или взять острогу и пойти на щуку, которая идет сбрасывать икру в прибрежные болота.

А тысячи и тысячи птиц, поднятых теплыми струями воздуха, летят с юга к летним северным гнездовьям, гомоня на десятках языков на стоянках в шхерах.

Вот-вот озеро отпустит из своих ледяных объятий сотни и сотни островов, и они, вздохнув, освобожденные, поплывут неторопливо со всем своим скарбом через белые майские ночи, прозрачные утра июня в жаркие июльские дни, туманы августа, сквозь бабье лето сентября, октябрьские шторма и дальше — в серую тишину ноября, а там уже зима... Увы, круговорот природы.

А пока весна — веселое время года! Обещание перемен. Вот она — стремительная, сильная, пробуждающая — никуда от нее не спрятаться! Обжигающая солнцем, возбуждающая! Весна красна пришла! Здравствуй!

— Да хватит смолить! Ни хрена не видно! Дверь откройте! — Иван Архипович — единственный сегодня не курящий. Он еще не отошел от прошлогоднего сердечного приступа, заработанного на свадьбе дочери, когда от радости, что выдал последнюю замуж (засиделась дура!), так гульнул!.. так гульнул!.. так выпил и покурил, что... Но, слава богу, санитарный вертолет вовремя успел доставить в городскую больницу счастливого родителя. Пришлось распрос-

титься с одной из приятных привычек.

Вжик — и пролетели пятнадцать минут. Не повезло сегодня, интересного толком и не показали — так себе, чуть-чуть! В трениках выступали — зимний антураж. Напялили штаны, блин! Шубы еще наденьте на девок и валенки с лыжами! Гимнастика называется! Жмоты, этого добра и у самих хватает. Толком не на что было и поглазеть. Ерунда! Еще и стебуются, говорят: «До свиданья, до следующих встреч!» Ага, ждите! Побежали!

Ну, а пока один караул отправился по домам, другой заступил на смену.

— Мелковаты какие-то, на прошлой неделе покрупнее были. — Начал обсуждение первым, так как больше других в силу возраста насмотрелся передач, Иван Архипович. — Чем же они питаются? Чем их там кормят?

Сам же Иван Архипович был мужчина не то что обширный — скорее плотный, чем упитанный. Если сравнивать с озерной рыбехой, то среди паровых окуней искать надо.

— Мельчают городские бабы, — с горчинкой в голосе, знающе итожил Иван Архипович, как бы приглашая кого-нибудь с ним не согласиться.

И сразу нашелся такой. Первым встрял в беседу молодой боец Венька.

— В столице — там чё? Теснотища... Бывал я там в седьмом классе с батяней. Зашли в метро — ё-мое, народу всякого — обалдет! Батю пришлось за руку держать, а то бы он потерялся. Выпил малеха в поезде. У двоюродной тетки остановились. У нее фатерка — две комнатенки, хрущевкой называют, живопырки. По очереди спать пришлось. И таких домов — миллион! Уж на что нашему дому сто лет, так у нас чулан в сенях в три раза больше их кухни. Вот и приходится им приспосабливаться — мельчать, мутация называется. По ботанике в школе проходили. Как мухи дрозофилы. А куда деваться?! Вот такая хрень!

— Коню понятно, с нашими девахами не сравнить! — поддержал его второй молодой бай, боец Сашка.

Иван Архипович многозначительно умолк, отвернулся от народа, косясь в окно, будто что-то вдалеке выглядел. Казалось, насовсем, да и чего на глупости отвечать, видно же, что пацаны хорошо учились, не поспоришь, но все-таки продолжил начатую тему.

— Вот у меня была одна... Можно сказать, не так давно... Женщина...

И было понятно, что беседа затеяна не для трёпа, не по-пустому, а ради новенького — Захара Федоровича, ради сближения.

Ох, не думал Иван Архипович, что сведет их судьба когда-нибудь впритирку. Вспомнить, — так не пересчитать, сколько раз в молодости довелось ему с друзьями отведать кулаков Захара Федоровича, когда на танцах в клубе колотили их, ребят с пашинского берега, пацаны с материковых деревень во главе с высоким красавцем Захаром. Известное дело из-за чего — из-за девок. Ох, набегаться пришлось, чтоб лишний раз по морде не схлопотать. Захар Федорович, поди, и не помнит ничего, а чего победителю неприятное хранить, верно, только подвиги и ворошит память.

А все по жизни своим чередом прошло. Выросли, в армии отслужили, вернулись, женились. Захар пошел работать по плотницкой части. Стал уважаемым мастером. Иван устроился служить в пожарную часть: смену, сутки, отсидел в тепле, трое дома — хозяйством занимайся! В партию вступил, на собраниях выступал. Никогда они не были близки. Не пересекались их пути-дорожки, кроме общих деревенских застолий на свадьбах да поминках и прочих праздниках. Встретятся: «Здрасьте!» — «Здравствуй!» — и пошел каждый своей дорогой.

На разных участках жизни трудились, на разных берегах свою судьбу, каждый по отдельности, проживал. Не было у них ничего общего, объединяющего. Ни родни, ни дружков, ни совместно прожитых годов. Ни попито, ни едено. И вот — нате, встретились! Два одиночества! Подошел срок Захару Федоровичу на пенсию выйти. На севере мужики в пятьдесят пять отваливают на заслуженный отдых. Повкалывай вдоволь, а затем гуляй! Конечно, с одной стороны, хорошо ничего не делать, но так не бывает, силенки кое-какие обычно еще имеются, да и денежки лишние не помешают. Если особо не шибко, то можно и потрудиться, но без поднятия тяжестей. А лучшего места, чем музейная пожарная часть, в округе не найти. Можно сказать, лафа! Следи, чтобы какой-нибудь придурок не поджег что-нибудь — кругом же все деревянное, да и сам по пьянке не попадись на глаза начальству. И всех делов!

Захар Федорович сидел на стуле прямо, широко расставив ноги в начищенных яловых сапо-

гах, курил с затяжкой папиросу. Медленно пускал дым в потолок, поглядывал в окно и поддерживать беседу не спешил, — рано еще, пусть другие соловьем заливаются. Да и говорить особо не хотелось. Никогда еще не приходилось ему бездельничать — всю жизнь руки делом были заняты: дома, причалы, бани, амбары рубил, лодки-кижанки шил, церкви музейные деревянные реставрировал. Работал и работал, грамоты и премии получал. Медаль и орден имеются. Почет и уважение. И вот дожил. Поизносился. Ни бревно на плечо не закинуть, ни сдачи от души по какой-нибудь противной роже не дать. А как иногда хочется! Вот и сиди теперь у теплой печки, чай пей, оклад получай, слушай всякую трепотню, телевизор смотри и жди, когда из тебя опилки посыплются. Кто ты теперь? Ветеран труда! Стыд и срам!

Но пора уже было и проставиться, как принято, иначе не поймут, не примут.

— Ну что! Пора и честь знать! День сегодня непростой — меняю курс. Всю жизнь на одном месте пахал, а сегодня — на новом. Надо по традиции отметить событие. Чтобы работалось и пилося, в тягость не жилось.

Все оживились. Стол накрыли быстро. Каждый выложил запасы, принесенные из дома. Семейные, Иван Архипович и Захар Федорович, домашнюю выпечку — пироги-рыбники, калитки с пшеном и картошкой, копченую рыбешку, масло сливочное, пряники и сухарики к чаю, сахар. Одинокие, Венька и Сашка, — по банке свиной тушенки, картошку, лук, хлеб и точно такие же сухарики и пряники — магазин-то один. Венька еще свежих окуней, плотвичек и щучку — будет из чего ушицу сварить в обед. Захар Федорович — бутылку водки, бережно завернутую в газету, чтобы в рюкзаке, не дай бог, по дороге не разбилась, и к ней баночку соленых грибов. Что резалось — порезали, грибочки промыли, лучку сверху покрошили, маслицем полили, стаканы сполоснули. Налили! Славно начиналось утро в деревенской пожарной части!

— Давайте выпьем за нашего нового товарища и сослуживца, просто хорошего человека, уважаемого Захара Федоровича! — начал стоя отработанным на партсобраниях голосом Иван Архипович. — И хоть я не пью, а это все знают, и не приветствую это дело на рабочем месте, и не одобряю, когда с кем ни попадя, но сегодня нем-

ножко можно. Повод уважительный. Коллектив у нас небольшой, и всякое между людьми бывает по жизни, не всегда, как говорится, находится понимание. Но важно не взирать на недостатки, а поддерживать друг друга. Выручать! Делиться! Приходить в трудную минуту на помощь. Как известно, работа у нас ответственная — охраняем памятники деревянного зодчества. Можно сказать, мирового значения! Так давайте выпьем за дружбу, за тебя, Захар Федорович! — говоря все это, Иван Архипович поглядывал со значением в глазах на Захара Федоровича, как бы намекая на что-то, только им двоим известное. Сашка во время тоста морщился — что ни слово, то фигня и брехня, — все знали, что врачи запретили Ивану Андреевичу бухать. А он — не люблю! Не употребляю! Прочие фразы тоже известно чьи — из газеток надергал. Венька же слушал с восхищением и открытым ртом.

Но на то они и молодежь зеленая, чтоб так себя вести. Захар же Федорович внимательно и понимающе.

Выпили. Налили по второй.

— Спасибо тебе за добрые слова, Иван Архипович! — Захар Федорович ответно встал. — Не знал, не гадал я, а вот теперь вместе. Ну что? Будем службу служить, будем дружбу водить!

После третьей разговор само собой вернулся к прерванному обсуждению передачи.

— Эх, мне бы ваши годы, молодежь! — Иван Архипович мечтательно зачмокал губами, заерзал на стуле, обращаясь к Сашке и Веньке. — Я бы не сидел на жопе ровно, как вы, не прозябал в деревне. Только бы меня и видели здесь. Раньше, бывало, отправят на курсы повышения квалификации в город — дух захватывает. Танцы в домах культуры, кино про любовь или про войну каждую неделю новое показывают, пожрать захотел — в столовку зашел, поел и закусил, мыть посуду за собой не надо. Общежития там всякие женские: кто на повара учится, кто медсестрой работает, кто продавщицей в магазине — ухоженные бабы, гладкие, блин, веселые. После работы им делать нечего, томятся. Живут на всем готовом! За скотиной ходить им не приходится, навоз не таскают. Губки крашенные. Руки белые с маникюром. Духи там всякие. Конфетки! Эх, раньше часто отправляли подучиться...

Иван Архипович все больше и больше расдухался. Гимнастерку расстегнул, лицом покрас-

нел, руки в разные стороны по-рыбачки зараскидывал, размерами и количеством былых уловов расхвастался. Раскрепощенное утренними событиями воображение рисовало одну картину за другой: «Вот бы я... Да у меня... Да они... А я бы ее... А она...» Да старый конь, если кто не знает, борозды не портит, есть-есть еще кое у кого и порох в пороховницах. Ну и так далее, и тому подобное. Но веры Ивану Архиповичу не было. Сашка с Венькой с ухмылками переглядывались, Захар Федорович лениво покуривал. Да и рассказчик почувствовал прохладность в воздухе, стал повторяться. Хорошо было бы сменить пластинку, а то не получится контакта.

— Вот был у меня случай. Всю жизнь мог поменять, как сегодня у тебя, Захар Федорович. Да-да! — прекратив бесполезные мечтания, Иван Архипович вернулся в настоящее — обратился к реальному опыту. Выдержав паузу, через несколько глотков чая начал: — Значит, как-то утром выхожу я из пожарной части до лодки: бензин долить, карбюратор проверить. А утро хорошее, время — самый сенокос, озеро тихое, ровное. Солнце только-только пригревать начинает. Тишина кругом. Вода теплая-прегретая. Смотрю — женщина на берегу стоит. Одна. По сторонам посматривает — явно туристка, теплоход как раз у причала стоит, на экскурсию, видать, не пошла. В одиночестве гуляет. Сама в костюмчике зелененьком, на каблучках, стрижка аккуратная, и в очках. Сумочка через плечо. Все при ней имеется: и размер, и рост. Культурная. На артистку похожа. Ну, я не смутился, первым с ней здороваюсь, мол, откуда будете, не изволите вяленой рыбки попробовать — имеется в заглазнике у меня. Как раз в лодке плотвичка и подлещики были припасены, после работы думал пивка махнуть на причале. «Да, — говорит. — Спасибо. У нас в Москве такой и не купишь. Сами-то ловите?» Ясен пень, не из магазина, — конечно, отвечаю другими словами. «Как у вас здесь красиво! Какой замечательный воздух! Природа!» Я — в ответ: «А не желаете осмотреть наши достопримечательности? На лодочке с мотором прокатиться. Природа с воды гораздо нагляднее. Воздух, само собой, чище. Микробов нет. Острова посетить?» — подкатываюсь с прицелом к ней. «Правда? Можно? А сколько это будет стоить?» — «Денег я с вас не возьму. У самих хватает. На печке не сидим, зарабатыва-

ем. Я из любезности. Вижу, что вы серьезно интересуетесь нашими местами», — смелее говорю ей. «А не отвлекаю ли я вас, может, у вас дела на сегодня запланированы?» Вижу по глазам, колебание в ней — еще не решила. Но про личную жизнь углубленно не расспрашивает, про личный мой быт вопросы не задает — значит, хочет прокатиться. И я ей так решительнее говорю:

«Нам с вами по пути! Присаживайтесь в лодку — как вам удобней, лучше на нос! Прокачу от всей души!»

Села, юбочку одернула, очки поправила, мы и поехали. Мотор с первого раза завелся, обычно минут десять веревку дергаешь без толку — ни в какую не заводится. А тут работает ровно, без перебоев. Сердце у меня от предчувствия постукивает, в нижней части тела подсасывает. А кругом и правда красота! Вода — глаже не бывает! Зеркало! Все в нем отражается по сто раз! Летим по озеру между островов. А я уже знаю куда — на волшебный камень! Есть тут у нас островок, а на нем камень, не простой, а заколдованный. Ну, вам еще, молодежь, рано знать, где это место, — на немой вопрос в глазах Сашки и Веньки ответил Иван Архипович. — Мне о нем по большому секрету дядька-покойничек, царство ему небесное, рассказал — и то когда мне возраст подошел, когда из армии вернулся. И не сразу, а через несколько лет, когда я поумнел. А он от стариков слышал, они ему и объяснили назначение.

— Знаю где, бывал, — ляпнул Захар Федорович небрежно. — И не один раз. Поездил.

Иван Архипович сбился. Замолк, будто обиделся.

— Ну-ну, не буду мешать, а что дальше было? Давай, Архипович, продолжай. — Захар Федорович и остальные готовы были слушать.

— Значит, где это я там остановился? Ага, значит, едем. Я ей, что знаю, рассказываю. Она любит. Вопросы задает. Уже остров Кижский огибаем, тут я и соображаю, что непременно надо через магазин проскочить — затариться согласно программе. Вот уже причал! Я к дебаркадеру подруливаю, говорю: «Папирсы закончились, в магазин заскочу». Она мне: «Не могли бы, Иван, мне какой-нибудь минеральной воды купить — боржом или нарзан. Пить хочется». А день жаркий. Она уже и жакетку сняла, верхнюю пуговичку на кофточке расстегнула. Припекает.

Ну, я по-быстрому бутылочку белого купил, ей пива-лимонаду взял, — нарзана у нас сроду не бывало, да и пиво для женского организма куда лучше огурчиков там, помидорчиков, банку кильки в томате прихватил. Хорошо, что деньги с собой были — заначка, и знакомых — удача! — никого не повстречал. Отъехали.

«Не желаете жигулевского? Вашего любимого нарзану не было». — «Пиво — это тоже неплохо. Налейте, пожалуйста, Иван».

Эх, думаю про себя, угадал с напитком — хороший знак! А она уже вторую пуговку расстегнула. Припекает. Мне и самому уже жарко стало в форменных штанах и кирзачах. Невтерпеж. Надо, думаю, побыстрее на камень ехать. Как бы на паром она не опоздала. Время же идет.

А вот и островок! Высокий. Скала огромная, с одной стороны в озеро обрывается, с другой — берег пониже будет. Лес — сосна и ель да береза. Разнотравье душистое. Птицы щебечут о своем. Ближе под берег подъезжаю.

«Хочу вам один вид показать. У вас в столицах подобного не найти!» — «Покажите, — говорит, — никогда не доводилось на таких островах бывать. Интересно».

А я берег знаю: где и как лучше пристать. На малом ходу аккуратно подхожу, но так, чтобы на прибрежные камни встать — на берег прыгать придется или по воде идти. Я-то в сапогах, а она? В общем, по-умному пристаю. С прицелом.

«Ой, а как мне спуститься? — спрашивает она. — Я в туфлях итальянских...» — «Не беспокойтесь, я вам помогу», — сам уже в воду спрыгнул. Руки протягиваю.

«Вам же тяжело будет! Я нелегкая», — стоит в лодке ни туда ни сюда. Сомневается.

«Мы к тягестям привыкшие!» — «и потяжелее таскали, с моей Дусей не сравнить!» — но вслух не стал эту мысль развивать, чтоб не обидеть.

Да и куда ей деваться?! Подхватил я ее и вынес на берег.

А она неожиданно за шею меня обняла, прижалась, не отпускает. Может быть, со страху, но чувствую — с умыслом. Тело у нее теплое, крепкое. Мне уже не по себе становится. Горячо!

«Какой вы сильный мужчина, Иван! — интеллигентно мне так говорит. — Меня давно никто на руках не носил. Только в школе. Я тогда как тростиночка была. Я вами восхищаюсь!»

«То ли еще будет!» — но ей говорю другие сло-

ва: «Давайте по острову прогуляемся. На самый верх подыдемся. Откроется вам там красота нашей скупой северной природы».

Поднялись. На самую вершину. А вот и камень! Вокруг и правда лепота! Дух захватывает. Стоим над обрывом, внизу вода плещется, лодочка моя сверху — со спичечный коробок, к березе привязана, на волне покачивается. Воздух прозрачный. Видно далеко-далеко: и церкви наши знаменитые из-за островов главками сверкают, и пароходы белые у причала стоят, и кто-то там по синему озеру на катерах гоняет, деревеньки серые по берегам — там-сям разбросаны. Тишина. Дома моего не видать. Да это и хорошо.

Она неожиданно руку мою взяла, сжала, как будто испугалась высоты, как бы голова у нее закружилась.

«Присаживайтесь! — говорю ей. — Вот чудный камень! Вам здесь удобней будет глядеть».

А камень, поверьте, не простой. Да и никакой это вовсе и не камень! А углубление, как яма, — с меня ростом будет, на самом краю скалы, на самой макушке. Как будто кто-то вырубил каменную полянку — ровную, как кровать, покрытую мягким мхом. С трех сторон спинки, а с четвертой — обрыв, нет ничего. Скатись — костей не соберешь! Только на эту перину нужно не забираться, а спускаться вниз по широким каменным ступенькам. А как спустишься, приляжешь — с тобой что-то происходит: над головой — только небо голубое, под тобой — гладкая постель из мха и озеро синевой переливается. Волнами накатывает на каменный берег, тихим шепотом разговаривает. И кажется, что ты один-одинешенек на всем белом свете. И жить очень хочется! А когда с кем-то, то кажется, что, кроме нас двоих, нет никого вокруг больше. Одни, можно так сказать, на всей планете, ну, как эти — Адам и Ева.

В этом месте Иван Архипович замолчал. Задумался о чем-то своем, видать, далеком. Загрустил.

— Архипович!

— Ладно тебе, не томи!

— Что дальше-то было?

Наперебой стали его упрашивать сослуживцы.

— Дальше? Плесни-ка мне из чайника водички. Что-то в горле пересохло, — попросил Иван Архипович Сашку. — Ты ближе сидишь. Не пора ли обед готовить? Кто у нас сегодня за повара? Вениамин?

— Да погоды! Давай заканчивай историю, — попросил за всех Захар Федорович.

Рассказ его зацепил. По мере движения вперед он уже смотрел на Ивана Архиповича совсем по-иному, чем раньше. Если прежде считал Ивана Архиповича человеком незаметным, без особых достоинств — каким-то пен-тюхом, порожняком идущим по жизни, без куража, то теперь Иван Архипович казался Захару Федоровичу человеком значимым, чуть ли не героическим, понимающим толк в этой жизни. Смелым, решительным, находчивым. Да мало, ой как мало мы знаем друг друга!

И камень заветный уже виделся совсем другими глазами. Сам несколько раз туда бывало заезжал, но ничего подобного и не замечал, и не испытывал.

— «Присаживайтесь! — говорю ей, продолжил Иван Архипович. — Вот чудный камень!» — а сам уже припасы раскладываю, в стопочки граненые беленькую одним движением разливаю. Она туфли скинула, садится рядом, смотрит мне долго-долго в глаза, затем стаканчик, как рюмочку, высоко подымает:

— За нас с тобой, Ваня! За этот незабываемый день! — снимает очки и лихо так, одним глотком, выпивает, кидает в мох-траву пустую стопку, обхватывает меня за шею своими нежными руками и крепко-крепко в губы целует... Я и поплыл... Что дальше было, и не помню! В озере купались, помню, на камень подымались еще раз. А тут и время подошло: пароход отходит. Отвез ее на причал.

«Вот, Ванюша, мой адрес, телефон домашний, — торопливо на бумажке записала, в руку сунула. — Ванечка ты мой, не думай, что я...» — но почему-то вдруг замолчала, посмотрела грустно вокруг — окинула все прощальным взглядом. Затем усмехнулась и говорит: «Будете в Москве — заходите, Иван. Не стесняйтесь. Я одна живу».

На том и расстались...

А осенью послали меня в Ярославль на две недели в пожарное училище — пройти курсы по переподготовке среднего и младшего командного состава пожарных частей Северо-Запада. Когда туда добирался, времени не было. А на обратном пути — пересадка с поезда на поезд, с вокзала — на вокзал, с Ярославского — на Ленинградский — часов пять в запасе. День субботний, я и решил: звонить не стал — не обучен, а

поехал прямо по адресу — бумажку сохранил. Выяснил в справочном бюро, как ехать. Вначале на метро, потом три остановки на автобусе, затем по проспекту пешком прямо минут десять. Час добирался. Дом новый, шестнадцать этажей. Отродясь в таких не бывал. Квартир немереное количество. Где моя? Хорошо, какая-то бабулька на лавочке подсказала — самый последний этаж, сама на первом живет. Как мне подняться? Лифтом пользоваться не умею. Первый раз. Кнопки там всякие, двери железные раздвижные. К бабуле, что ли, обратиться? Нет, я пехом-пехом по лестнице — хоть рубашку выжимай! — поднялся. Звоню в звоночек. Для надежности еще и постучал. Открывает.

«Ты? Иван?» — видно по настроению, что не ждала. Я было подумал, что не вовремя, у нее кто-то есть в гостях. Засмушалась, халатик поправляет, в глаза не смотрит. Нет, одна. Квартирка у нее хорошая, двухкомнатная, но малюсенькая. Кухня окном на соседний дом. Мебель разная. Телевизор цветной работает. Прохожу. Сажусь.

«Какими судьбами? Специально или как?» — спрашивает, а в голосе, чувствуется, еще вопрос спрятан.

«Как тебе сказать? В общем, проездом», — начал издали. Рассказываю, мол, был в городе Ярославле, учился. Квалификацию повышал. Теперь возвращаюсь домой. Надо до распутия успеть, а то морозец ударит, да пока лед встанет, не перебраться на остров будет. «А вы какживаете?» — вижу, что от моего ответа повеселела.

Стол на кухне накрывает, бутылочку красного вина ставит, сама о себе рассказывает: что работает в институте научным сотрудником...

В каком — не запомнил названия, кандидат технических наук, что-то там изучает. «Ё-мое, — думаю. — Ни фиги себе! Кандидат наук! Вот это баба!»

А время за разговорами бежит. Красное пить не стал — не люблю сухую кислятину, свой малек выставил. Выпил. Хотел уже второй достать, а время вышло, мне уже и на вокзал пора: поезд «Москва — Мурманск» ждать не будет, плацкартный билет вместе с паспортом в отдельном кармане гимнастерки лежит. Дорогу нам оплачивали. И беседа чего-то не клеится, говорить как-то особо уже и не о чем.

Вижу по глазам, она мается, вроде что-то важ-

ное мне сказать желает, да как бы не решается — все беспокоится, все спрашивает, не опоздаю ли я, то на часы посмотрит, то в сторону, но вижу, что не выходит у нее мне важное сказать, все про ерунду расспрашивает. Тактичная. Но мне пора. Вышел в коридор, стал одеваться.

«Прощайте, Иван Архипович! — говорит мне в дверях. — Если буду в ваших краях, может, и свидимся еще».

Хотел было ее поцеловать, да не получилось. Далековато стояла, да и все суетилась — не забыл ли я чего. Бутербродов мне в дорогу сунула. На том и расстались. Я уехал. И больше ее не видел. Никогда.

Иван Архипович замолчал. Никто не заговорил. Молча закурили.

— Думаю, что хотела она мне предложение сделать — остаться у нее жить. Навсегда! — Иван Архипович расправил плечи, откинулся на стуле, посмотрел на всех как бы с высоты. — Да не решилась. А что? Квартира у нее есть. Двоим бы хватило! Работа у нее хорошая, а я бы водителем куда-нибудь пристроился. Москва большая — водилы всегда нужны. Шоферил бы. И денежка закапала бы. Зажили бы не хуже других! Да не сложилось! Сам виноват — надо было не менжеваться¹. Решительней быть. Взять ее в охапку и не отпускать — и все путем! А теперь — тьфу! — со своей Лидкой так и продолжаю коровам хвосты крутить... Да-а, видно, не судьба! А мог бы ухватить звезду!

Сашка, глядя на синеватый нос Ивана Архиповича, на его пухлые щеки, на неказистую фигуру, в случай не больно и поверил: было, конечно, что-то. А тут целое кино про любовь! Видать, за долгие годы внутренних воспоминаний обросла короткая встреча подробностями, которые хотел бы иметь Иван Архипович в реальной жизни.

Венька только и сказал: «Ну ты даешь, Иван Архипович!» — и пошел чистить рыбешку на уху. Заболтались. Пора и обед готовить. Его очередь.

Захар Федорович задумчиво глядел в окно. Неспешно курил. Он примерял историю Ивана Архиповича на себя: то так, то этак — нет, не происходило ничего похожего с ним. Были, конечно, и у него когда-то случайные встречи, приключения и бабы, но чтобы женщина — кандидат наук, в очках, из Москвы, в костюме,

¹ Менжеваться — переживать, бояться, страшиться.

с сумочкой. Никогда! Даже в очках не было. Да и ни у кого из деревенских мужиков, кого он знал и чьи байки слышал, — рядом ничего и не лежало. «Да, гордиться нечем! Грустно. Другим людям есть что вспомнить. А мне! И как теперь жить дальше? Ради чего?..»

Сели обедать.

— Вот начнется навигация — придут пароходы с туристами, а есть у меня на теплоходе «Алтай» знакомых несколько — очень хорошие бабы в ресторане на камбузе работают. Да и буфетчица равнодушно на меня дышит — я им рыбки всегда подбрасываю по случаю. Вот возьму какую-нибудь из них и махну на камень. Прокучусь! Как пить дать поеду. — Иван Архипович все еще не мог отойти, успокоиться, не оставляли в покое воспоминания. — Давно просят окрестности показать. «Прокати, Архипыч, да прокати! Покажи да покажи!» Надо будет выполнить просьбу! На острова махнуть! — прихлебывая уху, размышлял Иван Архипович.

— Ты погоду маленько. Не в службу, а в дружбу — возьми-ка, Иван Архипович, меня с собой! — Захар Федорович аж весь подобрался, глаза засверкали, лицо тверже дерева сделалось: — Век не забуду! Ох, не ожидал Захар Федорович от себя таких слов, такой прыти. Зачем ему это? Но, видно, накатило, порыв пошел. Пружина какая-то неожиданно-негаданно внутри распрямилась. Уже не отступить: слово не воробей, вылетит — не поймает. Да была не была — чем черт не шутит. Один раз помирать, один раз ответ держать.

Иван Архипович прекратил жевать. Внимательно посмотрел на Захара Федоровича. Не подкальывает? Не насмехается? С него станется. Вроде нет. Серьезное предложение.

— Дело это ответственное. Его так просто не решить. Тут покумекать надо, обсудить. Но смотри: сговоримся — обратной дороги не будет. Мосты сожжены!

— Понял. Я готов. Ты меня знаешь: слово свое всегда держу. — Захар Федорович показал сжатый кулак, здоровенный от постоянных занятий с топором, в шрамах; таким врежешь так врежешь — мало не покажется.

— Верю тебе, Захар Федорович! — отводя в сторону кулак, Иван Архипович показал в ответ свой: в два раза меньший, пухлый — таким ложку хорошо держать или баб по спине гладить. — Но гляди, Захар Федорович! Если все

выгорит, то мы с тобой будем как два брата. Нам с этого времени друг за дружку держаться придется. Никуда не деться. Я это серьезно говорю. Как товарищ товарищу.

— Я не отступлюсь! Пятиться не буду. Передом привык ходить.

— Ну, раз так, договор наш надо закрепить, — Иван Архипович вопросительно посмотрел на Захара Федоровича. — С тебя причитается — твое же предложение.

— У меня больше нет, — Захар Федорович почувствовал себя виноватым. — Извини, я по-скорому до магазина: туда и обратно.

— Ладно, угомонись. Выпьем сегодня моей. Есть заначка, маленькая припрятана у меня в машине. Пока хожу — уху подогрей. А вы, молодежь, сходите-ка на территорию, проверьте, не горит ли где чего. Нам поговорить надо.

Молодежь послушно свалила. Иван Архипович быстро сбежал в гараж и вернулся с бутылкой, так же бережно завернутой в газету. Захар Федорович хлопотал у плиты.

— В этом деле, если рассуждать правильно, напарника иметь — или хорошо, или никак. Может даже помешать. Я по жизни привык один. Меньше шансов погореть, да и трепу никакого. Ты же знаешь, как у нас: только подумаешь что-то сделать, а уже по всей деревне рассказывают, что ты вчера натворил. Потом отмывайся, доказывай своей половине, что чист. Здесь важно, чтобы все было по-тихому, без лишнего шума. На доверии.

— Понял, — Захар Федорович слушал Ивана Архиповича, как школьник учителя. Только не записывал. Да и выпить хотелось — закрепить настроение.

— Ты меня вот послушай, раз мы будем вдвоем, то и расходы — а это главное — и победу, и последствия на двоих делим. Без расходов в этом деле не обойтись. Сам понимаешь, поляну на камне накрыть надо? Надо! Добраться до острова надо? Надо! Значит, бензин, масло должны быть запасены. А то ехать — бензину нет. Ель-палы, облом! Был у меня раз подобный случай... но я сейчас не об этом. На угощение жалеть не стоит — бабы это любят, от него во многом и успех, а оно денег просит. Хоть смету составляй!

— Я готов! Пополам так пополам! — Захар Федорович не переставал удивляться: опытность Ивана Архиповича его восхищала. Он ему уже во

всем доверял. Как все продумано! И смета есть, и расходы учтены — бензин, масло, угощение, и место, где все должно произойти и когда. Раньше Захару Федоровичу казалось, что только особенные люди умеют так жить, а нет. Как все просто и ясно! Дело оставалось за малым — за бабами.

— Вот и хорошо, впредь все поровну. Сегодня мою бутылку не учитываем — за мой счет, — как бы невзначай отметил Иван Архипович. — Так давай, Захар Федорович, выпьем за нас с тобой, за наше общее мероприятие. За будущие! Как говорится, один за всех и все за одного!

Чокнулись. Стоя выпили. Сели. Еще раз выпили за дружбу. Разлили по третьей.

Жизнь обретала направление, ожидание и томление. Давно так замечательно не было Захару Федоровичу. Будущая служба в пожарной части уже не виделась праздным бездельем, пустым сидением у печки, а приобретала контуры, подобно строительному чертежу, какой мастер показывал плотникам перед началом работ по постройке дома. Соблюдай план — и все получится!

— Ну что? По последней? За дружбу! За успех! — Захар Федорович и Иван Архипович одновременно опрокинули по стопке, разом крикнули и уже теперь общим хлебом занялись. А жить, что ни говори, хорошо!

Часть вторая

С этого апрельского понедельника и началась крепкая мужская дружба Ивана Архиповича и Захара Федоровича.

Приходя на очередную смену, первым делом здоровались друг с другом, затем с остальными. Интересовались здоровьем: нигде ничего не болит, не чихает, не колет? Как бы в ответственный момент не подвел организм. Все-таки возраст. Надо не забывать. Дело предстоит нешуточное. Нельзя простыть, слечь не вовремя или взять бюллетень, словом, подвести товарища.

— Ты со своей за неделю прекрати, и ни-ни, как бы тебя ни упрашивала, — наставлял Иван Архипович Захара Федоровича. — Береги, копи силу. Лучше даже за две, а если сможешь, то за три не общайся с ней. Терпи. Волю в кулак собери.

— Ты меня не знаешь, я смогу! Это у меня запросто, — послушно соглашался Захар Федорович. — Не заметит!

Новые друзья вместе, когда было необходимо, мыли пожарную машину «ЗИЛ», вместе совершали дежурный обход музейной территории, хотя полагалось по одному, вместе проверяли наличие инструмента на пожарных щитах, развешенных на памятниках деревянного зодчества, вместе ездили на дальний конец острова ремонтировать пожарный причал. Вместе ходили в магазин за продуктами. Вместе садились пить чай, угощали друг друга домашней выпечкой. Обсуждали заманчивое будущее. Строили надежные планы, готовились к встрече с прекрасным.

— На остров пойдем на твоём катере. У тебя «Прогресс» новый, мотор «Вихрь» тридцатисильный, легко всех заберет — мигом долетим. А на моем старом корыте под «Ветерком» шкандыбать и шкандыбать. На нем только двоим можно, и то по тихой погоде. Перед выходом проверь мотор, не забудь! — инструктировал Иван Архипович.

— Заметано! Будет сделано! — во всем соглашался с ним Захар Федорович.

В заботах незаметно пролетел апрель, а вот и май, а вот и теплоход «Алтай»! Белоснежным трехпалубным лебедем показался ранним солнечным утром из-за островов на фарватере долгожданный гость. Погудел, подходя к причалу, поприветствовал остров — первый рейс в этом году! Открыл навигацию. Пришвартовался.

— Повторим еще раз! Вначале идем знакомиться, — напутствовал Иван Архипович Захара Федоровича в караульном помещении в последний раз. — Затем по моей команде — я тебе знак дам, если все путем, то ты бегом на катер и вперед, заходишь с левого борта парохода, привязываешься. Смотри, чтобы тебя никто из наших не заметил. А я там с этими, ну кто согласится, уже буду поджидать. Вино в буфете на пароходе возьмем. Так лучше. Подарки не забыл?

— Все взял! Сушеных плотвичек и окушков, две шуки килограмма по полтора — сегодня с утра сети проверил, закоптил, еще горячая. Мотор проверил. Не подведет. — Захар Федорович отчитался, явно волнуясь, хоть и выглядел молодцом после вчерашней бани, в чистой наглаженной рубашке и в отутюженных синих форменных брюках-галифе, заправленных в начищенные сапоги.

— Ну, присели на дорожку! И с Богом! —

Иван Архипович присел на лавку и тут же вскочил. — Пошли! — Сам он тоже был в чистой рубашке, живот над ремешком нависает, в ботиночках. Выглядел не так хорошо, как Захар Федорович, но тоже ничего.

— Давай перекурим это дело? — замялся Захар Федорович. — Все-таки первый раз на паром иду. Непривычно.

— Потом накуришься! Бабы ждать не любят!

Подхватили сумки с подарками и двинулись в сторону причала. Первым уверенно, не оглядываясь по сторонам, поднялся на палубу теплохода Иван Архипович, за ним, не отставая, семенил Захар Федорович. Прежде чем исчезнуть внутри чрева белого речного гиганта, он остановился — что-то екнуло там, где сердце, посмотрел на родной берег, окинул взглядом знакомые с детства и милые до боли места, будто прощаясь, будто куда-то уезжать собрался надолго, может, даже и навсегда, глубоко вздохнул и исчез. Пропал следом за Иваном Архиповичем в полутемных коридорах корабля.

Отсутствовали минут сорок или чуть больше, но меньше часа. Вернулись возбужденные. Сразу открыли по бутылке с холодным пивом, отхлебнули прямо из горлышек, загаворили наперебой:

— А та хороша! Что капусту на камбузе резала! Загляденье!

— Буфетчица — вот это баба! Кровь с молоком! Женился бы, не будь уже повязан!

— Видел, как та смотрела на меня, будто сплести хотела! Ух!

— Жаль, говорят, не знали, что вы, Иван Архипович, да еще с другом, придете, а то отпросились бы у начальства, поехали непременно с вами. Друг у вас видный!

— Катер им мой понравился. Та, что пониже, повара, спрашивает с намеком: «Умеете ли вы быстро водить? С какой скоростью двигаетесь, Захар Федорович?» Каково?!

Подуспокоились. Открыли сумки. Стали хвастаться: вынимать и раскладывать на столе паромские ресторанные деликатесы — ответные гостинцы за рыбные дары. Чего только тут не было: и пирожки с мясом, с капустой, с повидлом, и булочки с маком и корицей, несколько свиных отбивных, салат оливье в баночке, густо залитый майонезом, котлета и тефтели, белый городской батон.

— Молодежь, налетай! Не стесняйся! Нам всего не одолеть, а домой не понесешь — прицепятся: откуда, где взял, допросами замучают. Еще и выгонят.

Два кремовых пирожных, слегка примятых, являлись сладкой и заслуженной наградой за первые и смелые шаги деревенских ухажеров на пути к измене. Обед даже готовить не стали. Стрескать бы все это! День пролетал незаметно.

— Я расписание узнал, пока ты с варежкой раскрытой стоял и на баб пялился. — Иван Архипович, сытый и довольный, лежа на кровати, беззлобно обратился к Захару Федоровичу. — До середины лета приходит «Алтай» — точно в нашу смену: три дня дома сидим, а на четвертый — на службу и на паром. Вот повезло так повезло, если ничего не поменяется. Заживем! Ох! Погуляем так погуляем, Захар Федорович!

Но Захар Федорович не слышал, что ему говорил Иван Архипович, он, отяжелевший после пива и пирожков, под болтовню прикорнул, и снился ему сон: будто носится он на своем катере в одиночестве между островов на бешеной скорости и пристать ни к одному берегу не может. Вот и деревня родная мимо проскочила... кажись, женка на берегу стояла. А озеро то штормит, то тихое, то день, то ночь... Черт знает что. Кажется, под утро пристал.

Во второй раз пришел «Алтай».

Утро пасмурное, дождик, возможно, намечается, озеро погуливает. Ветер дует. Прихватив сумки и водонепроницаемые плащи, во второй раз пошли Иван Архипович с Захаром Федоровичем на теплоход.

Вернулись — и получасу не прошло. Молча выложил Иван Архипович пакетик с пирожками. И больше ничего. Ни тефтелей, ни котлет с пирожными.

— Эх, Захар Федорович, Захар Федорович! Что же ты деревянным истуканом застыл, слово сказать не можешь! Что случилось? Она тебя спрашивает, а ты молчишь! Она тебе вопрос задает, а ты в рот воды набрал! Как ей с глухим мужиком общаться? На пальцах?

Иван Архипович не на шутку был расстроен.

— Я тебе и так, и этак — знаки подаю, давай катер подгоняй. Наменяю. Тороплю. Ты стоишь, словно к полу прирос, в потолок смотришь, отвернувшись. Чего катер не подогнал? Меня дура-

ком выставил. Дождались, что их начальство вызвало. И что имеем? Восвояси вернулись несолоно хлебавши... Что дальше делать будем?

Захар Федорович и сам не понял, что с ним произошло: только вступил на палубу, а ноги одеревенели — не сдвинуть, в горле пересохло — воды бы выпить, да никто не наливает. Не ожидал такого волнения в себе. А кругом пассажиры снуют, галдят, толкают. Тут он некстати увидел в буфете знакомых баб и мужиков из деревни, пришли отовариться. Здравуются с ним. Стало ему казаться, что все прекрасно видят, очень даже хорошо понимают, с какой целью, ради чего он приперся. Смотрят с усмешкой и осуждением. Позорище! А если жена узнает? Нехорошо сделалось Захару Федоровичу. А Иван Архипович и в ус не дует, колобком носится, с бабами и деваками ресторанными заигрывает. Лыбится. Сигналы двусмысленные подает. А Захар Федорович уже ничего не слышит. Действительно как столб застыл, пень пнем! Поскорей бы свалить отсюда к чертям собачьим!

Отпустило только на берегу.

— Что-то накатило на меня. Должно быть, давление подскочило, а может, того, и упало. Понимаю, подвел я тебя, Иван Архипович. — Захар Федорович оправдывался без подробностей. — Ты уж извини. В следующий раз попробую справиться со своими чувствами. Железно!

На том и порешили.

В третий раз пришел «Алтай».

Погода испортилась. Дрянь какая-то! Дождь. По озеру белые барашки бегают. Ветер свишет. А отступать нельзя — обещали, что придут. Не по-мужски. В третий раз пошли Иван Архипович и Захар Федорович за удачей.

Вернулись минут через пятнадцать. С пустыми руками. Ничего не перепало. Молчат. Дуются друг на дружку. Первый не выдержал Иван Архипович:

— Куда ты делся? Где ты был? Куда испарился? Я один отдувался. Хорошо сообразил сказать, что погода нелетная, никуда не поедem и с нетерпением расстаемся до следующего раза. Пришлось свалить.

Захар Федорович лишь промышчал что-то непонятное в ответ: что он, мол, не понял, куда пошел Иван Архипович, что он его на открытой палубе ждал, думал, что он туда придет, а он не пришел,

и потому он пошел на берег, думал, что он уже там. Стал ждать. Не дождался. Ушел.

Чушь какая-то. Бред.

«Сдрейфил, точно сдрейфил», — дал оценку непонятке Иван Архипович.

— Сколько раз я тебе говорил, что смелее надо быть! Бойчее! — выговаривал Иван Архипович. «Ты же взрослый мужик!» — хотел было сказать, но не решился. Как бы не обиделся. Про себя же подумал: «Да и мне решительности прибавить не мешало бы. А то болтовня одна. Шуры-муры. Тормозится все. Так и лето пролетит — оглянуться не успеешь! Надо что-то предпринять!»

В четвертый раз пришел «Алтай».

Солнышко светит, озеро синет. Погода что надо! Располагает. В четвертый раз пошел Иван Архипович и... один. Выскочил из пожарной, якобы в гараж по делам, сумочку незаметно прихватил, а сам — на теплоход.

Долго не было Ивана Архиповича. Захар Федорович извелся. Вроде бы взял себя в руки. Наконец. Приготовился. Настроился. Думал, что в этот раз все получится. А Иван Архипович исчез. Куда подевался? И в гараж сбежал Захар Федорович, и вокруг пожарной части несколько раз обежал. На пригорок подымался покурить. Нигде не видно друга. Что случилось?

Вернулся Иван Архипович как ни в чем не бывало. Бодро зашел в караулку, даже как-то слишком бодро, и сразу сел за стол, раскрыл сумку и бережно вытащил пузырек. Не маленький, но и не большой. Налил себе тарелку ухи. Поставил стакан. Протер его носовым платком. Открыл пузырек. Запахло спиртом.

— Что это? — скупое, с легкой обидой спросил Захар Федорович. Не хотелось ему первому лезть с расспросами за объяснениями, ждал их от Ивана Архиповича.

— Э-леу-теро-кокк, — прочитал с трудом название Иван Архипович. — У доктора на пароходe выменял на сумку рыбы. Поторговаться пришлось. Еле упробил. Все кобенился. Цену набивал. Говорит: «Только по рецепту лечащего врача!» Двух лещей еще наобещал ему в следующий раз донести.

— Лекарство? Заболел, что ли?

— Это не простое лекарство. Дефицит! Оно для придания смелости. Ну, и того самого... сам понимаешь, не маленький. Доктор сказал — при-

мешь и после этого тебя не остановить будет. Долго-долго. Мужиком станешь — как молодой. Ни одна баба не устоит против тебя. Появятся в тебе и задор, и напор, и это самое... решительность. Должно помочь. Обязательно! — открыл секрет Иван Архипович и, не читая инструкцию, написанную мелкими буквами на боку бутылочки — а читать — очки надевать придется — стал наливать темноватую жидкость в стакан. Аккуратно, стараясь не расплескать. Но явно спешил.

Захар Федорович подсел к столу, решил приобщиться — как договаривались, один за всех и все за одного — все поровну. Пододвинул поближе свой стакан, предварительно в него подув.

— Извини, Захар Федорович! — Иван Архипович убрал руку с пузырьком. — Дружба дружбой, а элеутерококк — врозь! — и заюлил глазками, заерзал жопой на стуле.

И вылил всю без остатка волшебную жидкость — ровно полный стакан вышел. И сразу выпил в три глотка. Ушицей закусил. На Захара Федоровича даже не взглянул, будто и нет его рядом.

Захар Федорович опешил. Остолбенел. Очнувшись, встал, отошел от стола, присел на лавку у окна, отвернулся от предателя. Закурил. Папироску крепко зубами сжал. Задымил как паровоз.

Иван Архипович, как бы не замечая перемену в настроении друга, продолжил смачно обглаживать окуней. Вдруг оцепенел. Ложка выпала из

руки на пол, Иван Архипович застыл истуканом. Но, кажется, ожил. С трудом, еле-еле привстал из-за стола и спиной повалился на ближнюю кровать. Грохнулся. Рукой схватился за грудь. Захрипел. Запричитал:

— Доктор, свола-ач! Отравил! Продам яду! Сердце, сердце! Всё — помираю!

Захар Федорович не шелохнулся. Гнев душил его. Не реагировал на стоны Ивана Архиповича. В окно смотрел, как бы задумавшись. Наконец обратил внимание. Неторопливо глубоко затянулся — докурил папиросу. Загасил. Раздавил ее в пепельнице как какую-то букашку, как клопа, с хрустом. Медленно-медленно стал подниматься.

— Люди хорошие, люди, кто-нибудь, помогите! Врача бы!

Захар Федорович распрямился и броском, в два шага, подскочил к Ивану Андреевичу, склонился. Тот закатил глаза, тяжело дышал, похрипывал, кашлял. Может, уже и отходил.

— Ну что? Стоит?! А-а? Иван Архипович! Стоит?! У-у! Паскуда! — и, громко посмеиваясь и громко притопывая сапожищами, танцуя, покинул пожарную часть. Вышел на свежий воздух. Подышать. Хлопнул так дверью, что брандспойт свалился с полки на пол — видать, плохо лежал.

Всё — конец дружбе! Поссорились Иван Архипович и Захар Федорович!

□

Виктор Евгеньевич ТУМАНОВСКИЙ

детские годы провел на Украине.

Сейчас работает экскурсоводом в музее «Киж».

Живет на соседнем с Кижамы острове Большом Климецком

в деревне Потаневщина, в том самом месте,

где проживал знаменитый заонежский сказитель

Трофим Григорьевич Рябинин.

